

ОБЗОРЪ

СОВРЕМЕННЫХЪ КОНСТИТУЦІЙ.

Часть III.

Конституціи: Бельгійская, Итальянская и Нолландская.

Составилъ

Э. Ватсонъ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1863.

0 8 3 0 4 9

СОВЕТЪМЪННЪХЪ КОСТАТАНЪН

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, Мая 12 дня 1863 года.

43 506/A-3
BIBLIOTEKA
UNIWERSYTECKA
W BIAŁYMOSTOKU

337 130

Типографія Товарищества «Общественная польза.»

1/576/11

20,- p

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Конституція Бельгіи.

I.

Происхождение настоящей бельгийской конституции. — Бельгийскія учрежденія въ XVII и XVIII вѣкъ во время французскаго владычества. — Конституція 1815 года. — Работы бельгийскаго національнаго конгресса по созданію конституціи 1831 года. 1

II.

Общія права бельгийцевъ: равноправность ихъ передъ закономъ. — Личная свобода и освященіе права собственности. — Отмѣненіе гражданской смерти. — Свобода обученія. — Свобода печати. — Свобода ассоціаціи. — Право петицій. — Ответственность общественныхъ—чиновниковъ. 14

III.

Отношенія Церкви къ государству. — Независимость Церкви отъ свѣтской власти. — Права духовенства. — Вознагражденіе членовъ духовенства. 20

IV.

Раздѣленіе трехъ властей. — Власть исполнительная. — Прерогативы королевской власти. — Министры; ответственность ихъ. — Власть законодательная. — Постановленія, касающіеся обѣихъ палатъ вмѣстѣ. — Палата депутатовъ. — Избирательной законъ. — Вознагражденіе членовъ палаты представителей. — Сенатъ. Власть судебная. — Публичность суда. — Судъ присяжныхъ. — Назначеніе судей и не смѣняемость ихъ. 21

V.

Провинціальное и общинное управленіе налоговъ. — Бюджетъ. — Счетная палата. — Войско. — Національная гвардія. — Постановленіе на счетъ иностранцевъ въ Бельгіи. — Ревизія конституціи. — Присяга на конституцію. — Заключеніе 40

Конституція Итальянская.

I.

Краткій обзоръ развитія піемонтскихъ учрежденій до вступленія на престолъ Карла-Альберта. — Происхождение сардинской конституціи 1848 года. 49

II

Общія права и обязанности итальянцевъ.—Церковь и государство.—
Законы объ уничтоженіи монастырей и о церковныхъ имуществвахъ.—
Гражданскій бракъ 59

III.

Раздѣленіе трехъ властей.—Власть исполнительная.—Король.—Пре-
рагативы королевской власти.—Министры.—Власть законодательная.—
Общія права верхней и нижней палаты.—Нижняя палата; избиратель-
ный законъ.—Сенатъ, составъ и значеніе его.—Власть судебная.—
Устройство судовъ различныхъ инстанцій. 65

IV.

Административное устройство Италіи.—Общинныя учрежденія.—
Народное образованіе.—Финансы.—Вооруженная сила и военная адми-
нистрація.—Национальная гвардія. 79

Конституція Голландская.

I.

Краткій обзоръ Голландіи съ самаго начала ея исторіи до изданія
основнаго закона 1815 года. 87

II.

Общія права и обязанности голландскихъ подданныхъ.—Постапо-
вленія относительно религіозныхъ исповѣданій и духовенства (законы
1815-го и 1853 года).—Народное образованіе (законъ 1857 года. 95

III.

Власть исполнительная.—Король и прерогативъ королевской власти.—
Государственный совѣтъ и министры. 98

IV.

Власть законодательная.—Постановленія, касающіеся обѣихъ палатъ.—
Постановленія относительно первой палаты.—Постановленія относи-
тельно второй палаты.—Процедура составленія законовъ.—Разсматри-
ваніе бюджета и счетная палата. 101

V.

Власть судебная.—Значеніе и устройство судовъ въ Голландіи.—
Верховное судилище.—Военные суды. 105

VI.

Административное раздѣленіе страны.—Провинціальное управленіе;
провинціальныя штаты, ихъ устройство и ихъ значеніе.—Мѣстное
управленіе; общинныя совѣты, законъ 1851 года.—Общественный
долгъ и монетное управленіе.—Вооруженная сила страны; постоянная
армія, милиція, національная гвардія.—Гидравлическія сооруженія
страны.—Постановленія относительно ревизіи конституціи. 107

КОНСТИТУЦІЯ БЕЛЬГИИ.

I.

Настоящая конституція Бельгіи есть плодъ революціи 1830 года; она родилась среди тревоженій и опасностей, кото-
рымъ подвергались первые дни существованія новаго госу-
дарства, и вошла въ силу въ то время, когда существованіе
самой монархіи было еще очень непрочное. Основываясь на
этомъ, принимая въ соображеніе тѣ обстоятельства, при ко-
торыхъ она была создана, тотъ разгаръ страстей, среди ко-
торого она была выработана, ту поспѣшность, съ которою
она появилась въ свѣтъ, трудно предположить, чтобы она мо-
гла представить нѣчто особенно-замѣчательное. Всякій впра-
вѣ предположить, что онъ встрѣтитъ въ ней много недокон-
ченнаго, набросаннаго, неясненнаго; всякій вправѣ ожи-
дать, что она будетъ носить слѣды бурныхъ страстей и увле-
ченій, которыя, безъ сомнѣнія, волновали въ то время цѣлую
страну, и отъ которыхъ, конечно, не могли уберечься и со-
ставители конституціи; трудно предположить, чтобы создан-
ная при такихъ обстоятельствахъ конституція, явилась пло-
домъ спокойнаго, зрѣлаго, безпристрастнаго обсужденія нуждъ
и потребностей народа;—наконецъ легко могло бы статся,
что составители конституціи, отвлекаемые отъ серьезныхъ
занятій потокомъ событій и ежедневными почти перемѣнами

въ судьбѣ страны, удовольствовались бы тѣмъ, что скопировали цѣликомъ учрежденія котораго-нибудь изъ иностранныхъ государствъ, и составили бы изъ нихъ конституцію для своей страны. Но ничего этого не бывало. Люди, которымъ ввѣрено было составленіе бельгійской конституціи, остались во первыхъ, чужды всякихъ теоретическихъ утопій, соціальныхъ и республиканскихъ увлеченій и счумѣли съ замѣчательнымъ искусствомъ создать нѣчто оригинальное, самостоятельное, соотвѣтствующее вполне характеру и обычаямъ націи, основанное на лучшихъ преданіяхъ страны. Поэтому эта конституція стоитъ того, чтобы мы остановились на ней съ особеннымъ вниманіемъ.

Бельгійскій народъ не принадлежитъ къ тѣмъ народамъ, для которыхъ конституціонныя права были дѣломъ совершенно новымъ, непривычнымъ, исторія которыхъ была безусловнымъ и непрерывнымъ развитіемъ абсолютизма. Бельгійцы пользовались въ разныя эпохи своего историческаго развитія большими или меньшими (смотря по обстоятельствамъ) конституціонными правами, которыя глубоко коренятся во всей исторіи ихъ страны. Поэтому, прежде нежели приступить къ изложенію настоящей конституціи Бельгій, мы считали бы излишнимъ прослѣдить въ бѣгломъ очеркѣ судьбу конституціонныхъ учрежденій въ этой странѣ, для того чтобы показать, какіе въ бельгійскомъ народѣ существовали конституціонные задатки, и какъ развивались въ немъ политическія идеи и учрежденія, до той минуты, когда онъ приобрѣлъ прочную и истинно-народную конституцію.

Земли, лежавшія по нижнему теченію Мааса и Шельды, и заселенныя племенами восточныхъ франковъ или фламандцевъ, не составляли въ средніе вѣка одного, цѣльнаго государства, которое бы управлялось однимъ государемъ, на основаніи однихъ законовъ: онѣ раздѣлялись на нѣсколько могущественныхъ муниципій, или же составляли владѣнія нѣкоторыхъ большихъ владѣтелей — герцоговъ, графовъ и

бароновъ. При этомъ устройствѣ каждая община составляла какъ бы маленькую республику. Большіе города, какъ-то: Лѣжъ (Литтихъ), Гентъ, Брюгге, Лувенъ и др., успѣшно отстаивали свою свободу и свою автономію противъ маленькихъ князьковъ, старавшихся подчинить себѣ богатые и цвѣтушіе города Фландріи, и даже противъ самыхъ сильныхъ современныхъ государей Европы. Могущественные герцоги бургундскіе, къ которымъ Фландрія перешла въ концѣ XIV-го столѣтія, не могли конечно, смотрѣть равнодушно на автономію богатыхъ и почти независимыхъ фландрскихъ муниципій; самостоятельность общинъ погибла бы совершенно, еслибы внѣшняя политика не отвлекала бургундскихъ герцоговъ отъ занятія домашними дѣлами. Послѣ печальной кончины Карла Смѣлаго, Фландрія перешла подъ власть габсбургскаго дома. Въ первое время австрійскаго владычества Бельгія сохранила нѣкоторое подобіе народно-представительнаго образа правленія. Извѣстно уваженіе, которое Карлъ V питалъ къ учрежденіямъ и привилегіямъ Бельгій, и которое было причиною того, что даже подъ властью этого властолюбиваго государя, бельгійскіе штаты сохранили въ значительной степени свою автономію. Но за то при сынѣ и наслѣдникѣ его, Филиппѣ II, свобода бельгійцевъ подвергалась бѣльшей опасности, нежели когда-либо. Инквизиція, испанскія войска, испанскія судилища, учителя-иезуиты, деспотизмъ и жестокость Альбы — вотъ, что обрушилось при немъ на Бельгію, вѣмѣнявъ прежнихъ ея правъ и вольностей. Въ послѣдствіи многія изъ стѣснительныхъ мѣръ Филиппа II были отмѣнены для того, чтобы вновь привлечь отпавшіе бельгійскіе штаты подъ испанское владычество. Зять Филиппа II-го, Альбрехтъ австрійскій, возвратилъ даже своимъ новымъ подданнымъ значительную степень самостоятельности. Но особенное развитіе получило самоуправленіе Бельгій съ 1715 года, т. е. современи перелома Бельгій изъ-подъ испанскаго владычества подъ власть

австрійскихъ габсбурговъ. Государя, властвовавшіе надъ Бельгіей въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, могли быть самодержавными въ Мадридѣ или Вѣнѣ; но въ бельгійскихъ провинціяхъ они должны были уважать привилегіи, ограничивающія ихъ власть: иначе они рисковали встрѣтиться съ открытымъ и дозволеннымъ законами страны сопротивленіемъ своихъ подданныхъ. При вступленіи своемъ на престолъ, король испанскій или императоръ австрійскій (называвшіеся въ Бельгіи графами фландрскими, герцогами брабантскими и пр.), давали клятву, что будутъ уважать конституціонныя права бельгійскихъ штатовъ. Въ случаѣ же, если они нарушали свою клятву, то конституція Брабанта и другихъ областей (такъ называемая *Joyeuse entrée*) освобождала бельгійцевъ отъ повиновенія до тѣхъ поръ, пока власть не вступитъ опять на конституціонный путь и не возвратится къ прежнему порядку вещей. Особенности устройства бельгійскихъ штатовъ, которыя не дѣлали изъ нихъ одного политическаго цѣлаго, но которыя за то обезпечивали народу множество привилегій, такъ дорого имъ цѣнимыхъ, состояли въ слѣдующемъ: власть и права дворянства и духовенства были очень ограничены и, такимъ образомъ, Бельгія уже въ то время освобождена была отъ язвы феодализма и клерикализма; напротивъ того, общины и муниципіи пользовались значительной степенью независимости, и имъ принадлежала почти вся власть въ странѣ: всѣ члены ихъ — будь они дворяне, священники или мѣщане — пользовались почти одинаковыми правами. Вслѣдствіе этого ограниченія правъ дворянства и церкви, кругъ юрисдикціи феодаловъ и духовенства былъ очень ограниченъ: она принадлежала почти исключительно магистратамъ и общинамъ. Кромѣ того, тогдашнія бельгійскія учрежденія обезпечивали народу личную свободу, неприкосновенность жилища, несмѣняемость администраторовъ и судей, право дѣлать представленія и подавать петиціи (*droit de remontrance et de petition*), которое принадлежало какъ извѣстнымъ корпораціямъ,

такъ и каждому гражданину отдѣльно. Наконецъ мы встрѣчаемъ въ тогдашней бельгійской конституціи еще одну статью первостепенной важности: согласіе штатовъ было необходимо для наложенія и взиманія податей; штаты могли также отказать государю въ требуемыхъ имъ субсидіяхъ. Однимъ словомъ, Бельгія уже въ XVII и XVIII столѣтіяхъ пользовалась такими значительными конституціонными правами, объ которыхъ не смѣли думать ни Франція, управляемая Бурбонами, ни Германія, придавленная феодализмомъ, ни Италия и Испанія, убиваемыя іезуитами и инквизиціей. Но конечно, не слѣдуетъ увлекаться этими замѣчательными явленіями и считать бельгійскую конституцію XVIII столѣтія за нѣчто совершенное или даже вполнѣ удовлетворительное. Всѣ тогдашнія учрежденія Бельгіи, даже хорошія, являются какъ нѣчто случайное, не систематическое, не органическое. Политическая жизнь страны была совершенно принесена въ жертву мѣстнымъ интересамъ; каждая мѣстность, каждый городъ, часто даже отдѣльное селеніе имѣли свои законы, не согласованные съ законами сосѣдней мѣстности, и являвшіеся часто результатомъ и выраженіемъ эгоистическихъ стремленій какой-нибудь отдѣльной общины или даже отдѣльнаго лица: вся власть находилась часто въ рукахъ одного какого-нибудь семейства, распоряжавшагося дѣлами цѣлой муниципіи. Далѣе, хотя мы сказали выше, что по конституціи XVIII вѣка, всѣ бельгійцы были равны передъ закономъ, однако это слѣдуетъ понимать только въ томъ смыслѣ, что не было рѣзкихъ сословныхъ преимуществъ и привилегій. Что же касается до религіозной терпимости, то ни государь, ни народъ бельгійскій не могли стать на столько выше предразсудковъ своего времени, чтобы допустить полную свободу совѣсти и религіозныхъ убѣжденій. По крайней мѣрѣ до царствованія Маріи-Терезіи существовалъ законъ, который не допускалъ до общественныхъ должностей лицъ, не принадлежавшихъ къ католическому вѣроисповѣ-

данію; самое образованіе находилось почти исключительно въ рукахъ католическаго духовенства. Марія-Терезія ограничила нѣсколько это вліяніе духовенства на народное образованіе, не коснувшись впрочемъ другихъ учрежденій бельгійцевъ, и такимъ образомъ измѣнила даже къ лучшему тогдашнюю бельгійскую конституцію. Но не такъ поступала ея сынъ, Іосифъ II. Извѣстно, что онъ хотѣлъ передѣлать все свои владѣнія, слѣдовательно и Бельгію, сообразно съ своимъ философскими и политическими убѣжденіями и на пути къ своимъ посѣвшимъ и насильственнымъ реформамъ, столкнулся не только съ религіозными вѣрованіями своихъ бельгійскихъ подданныхъ, но и съ укоренившеюся въ нихъ любовью къ свободѣ; извѣстно, что нѣкоторыя его мѣры, не смотря на обѣщанія, данныя имъ при вступленіи на престолъ, имѣли очевидно цѣлю измѣнить конституціонныя права магистратовъ и провинціальныхъ собраній Бельгіи. Такъ, кромѣ разныхъ нововведеній въ области церковной, онъ сдѣлалъ слѣдующія измѣненія въ политическихъ учрежденіяхъ Бельгіи: вмѣсто генеральныхъ штатовъ и коллегіи депутатовъ онъ учредилъ правительственный совѣтъ, состоявшій изъ пяти депутатовъ, которые утверждались государемъ и должны были служить единственными представителями страны. Онъ отмѣнилъ туземное судопроизводство, уничтожилъ все туземные суды и замѣнилъ ихъ судьями, назначаемыми отъ правительства и однимъ апелляціоннымъ судилищемъ въ Брюсселѣ. Онъ раздѣлил всю страну на 9 административныхъ округовъ и назначилъ въ нихъ своихъ комиссаровъ и интендантовъ; онъ преобразовалъ городскіе цехи и корпораціи, отнялъ у нихъ политическое ихъ значеніе и самъ назначилъ имъ начальниковъ; онъ хотѣлъ замѣнить въ бельгійскихъ крѣпостяхъ туземныя войска австрійскими: однимъ словомъ—онъ нарушалъ законы, учрежденія, обычаи Бельгіи, онъ оскорблялъ какъ патрицевъ, такъ и простыхъ гражданъ.

Нельзя не сознаться, что многія изъ его преобразованій имѣли цѣлю внести новый современный духъ въ старую средневѣковую рутину и должны были послужить къ обновленію страны; но эти полезныя преобразованія сопровождались столькими притѣснительными мѣрами, и все они производились такъ насильственно и произвольно, что произвели сильное раздраженіе въ бельгійскихъ провинціяхъ и наконецъ повели къ открытой революціи. Во время этой борьбы фландрскихъ провинцій съ австрійской метрополіей раздавались голоса нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ политиковъ, которые проповѣдывали необходимость отказаться отъ многихъ рутинныхъ средневѣковыхъ началъ и обратиться къ новымъ началамъ 1789 года. Они старались познакомить народъ съ новыми политическими и общественными теоріями и доказать своимъ согражданамъ, что сохраненіе правъ и вольностей народа несколько не связано съ неподвижностью въ формахъ и учрежденіяхъ, и что напротивъ общество должно отрѣшиться отъ старыхъ, отжившихъ формъ и обновиться новыми началами. Они хотѣли основать независимость Бельгіи на прочныхъ началахъ, и требовали для этого, чтобы народное представительство состояло изъ депутатовъ, выбранныхъ *всѣмъ* духовенствомъ, *всѣмъ* дворянствомъ, *всѣми* городами и селеніями, а не извѣстными семействами и муниципіями, какъ это часто бывало прежде. Но эти просвѣщенные люди составляли меньшинство и были побѣждены привилегированнымъ большинствомъ, которое стремилось только къ удовлетворенію духа кастъ и личнаго эгоизма. Революція раздвоилась, загрязнилась и обратилась вскорѣ въ слѣпую реакцію, направлявшую свое оружіе не столько противъ Австріи, сколько противъ тѣхъ благородныхъ людей, которые желали лучшаго будущаго своей странѣ. Такимъ образомъ брабантская революція наложила руки сама на себя, и бельгійцы были довольны тѣмъ, что новый ихъ государь, Лео-

польдъ, хотъ позволилъ имъ сохранить все тѣ привилегіи, которыми они пользовались при Маріи-Терезіи.

Но между тѣмъ какъ большинство бельгійскаго населенія съ упорнымъ консерватизмомъ ухватывалось за многія устарѣлыя, средневѣковыя учрежденія, французскія арміи готовились разнести по всей Европѣ идеи 1789 года. Бельгій, какъ ближайшей сосѣдкѣ Франціи, и какъ провинціи Австріи, перваго врага новой республики, нельзя было уберечься отъ наводненія французскихъ армій и отъ наплыва республиканскихъ учреждений. Бельгія была завоевана французскими войсками и присоединена къ Французской республикѣ (1793). Съ этихъ поръ, впродолженіи болѣе нежели 20-ти лѣтъ, эта страна, прикованная къ Франціи, должна была волей-неволей подвергаться вмѣстѣ съ нею всемъ тѣмъ превращеніямъ и передѣлкамъ, которыя совершались во французскомъ общественномъ устройствѣ. Какъ въ 1780 годахъ Іосифъ хотѣлъ насильственно реформировать Бельгію, не справившись съ желаніями и потребностями самой бельгійской націи, такъ французскій конвентъ, французская директорія и французская имперія навязывали ей насильственно свои благодѣтельныя учрежденія. Мы сказали уже выше, что въ тогдашней бельгійской конституціи было много устарѣлаго, рутиннаго; но ясно, что этого нельзя было измѣнять тѣмъ путемъ, по какому шли австрійскіе и французскіе реформаторы... Отмѣна этихъ отжившихъ учреждений сопровождалась потерей всякой свободы и независимости, которыми такъ дорожилъ бельгійскій народъ; поэтому вмѣсто того, чтобы убѣдиться въ ихъ несостоятельности и бесполезности, бельгійцы еще болѣе привязывались къ нимъ, и считая ихъ нераздѣльными съ дѣломъ народной свободы, не хотѣли отказываться отъ нихъ, и предпочитали ихъ новымъ лучшимъ учрежденіямъ, введеніе которыхъ сопровождалось насиліемъ, поработеніемъ, занятіемъ страны непріятельскими войсками, и прочими ненавистными для на-

рода явленіями. Въ Бельгіи введенъ былъ кодексъ Наполеона, который въ многихъ отношеніяхъ былъ лучше прежнихъ законовъ; въ ней учреждены были суды присяжныхъ; судоходство по Шельдѣ открыто было для всехъ, и еще много другихъ полезныхъ учреждений получила эта новая провинція Французской имперіи. Но несмотря на то, идеи 1789 года находили въ Бельгіи гораздо менѣе сочувствія, нежели въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, именно потому, что онѣ здѣсь навязывались силою; привязанность къ средневѣковымъ формамъ и учрежденіямъ, духъ нетерпимости и корпоративности оставались во всей силѣ въ значительной части бельгійскаго населенія; и если они не смѣли высказываться открыто во время французскаго владычества, то они незамедлили обнаружиться тотчасъ же послѣ паденія Французской имперіи и по вступленіи въ Бельгію австрійскихъ и прусскихъ войскъ. Многія изъ прежнихъ общинъ, а въ особенности прежніе привилегированные классы, стали хлопотать у союзниковъ о возстановленіи старинной конституціи Бельгіи въ томъ видѣ, какъ она существовала во время австрійскаго владычества. Странное дѣло! консерватизмъ бельгійцевъ доходилъ въ это время до того, что представители Пруссіи и даже Австріи упрекали ихъ за ихъ неподвижность, и толковали имъ о необходимости прогресса, и о невозможности для общества стоять все на одномъ и томъ же мѣстѣ, трудно повѣрить тому, что все это происходило менѣе нежели 50 лѣтъ тому назадъ.

Однако европейская дипломатія, согласно своему тогдашнему обыкновенію, распорядилась Бельгіей по своему, и не справившись съ желаніями самихъ бельгійцевъ. Такъ какъ европейскимъ правительствамъ, и въ особенности англійскому, хотѣлось создать съ сѣвера барьеръ противъ честолюбивыхъ замысловъ Франціи, они рѣшились соединить Голландію и Бельгію въ одно государство подъ властью принца оранскаго Вильгельма. Актъ присоединенія заклю-

чалъ въ себѣ, между прочимъ, слѣдующія замѣчательныя постановленія касательно устройства Бельгіи. «Это соединеніе должно быть истинное и полное, такъ чтобы эти двѣ страны составляли бы только одно государство, управляемое сообразно съ конституціей, существующей уже въ Голландіи, но измѣненной согласно новымъ обстоятельствамъ. Не будетъ сдѣлано никакого нововведенія въ тѣхъ пунктахъ этой конституціи, которые обезпечиваютъ всемъ вѣроисповѣданіямъ одинаковыя права и преимущества и допускаютъ къ общественнымъ должностямъ каждаго гражданина, къ какому бы вѣроисповѣданію онъ не принадлежалъ». Эта послѣдняя статья замѣчательна особенно тѣмъ, что она возбудила первую сильную, хотя и вовсе непохвальную оппозицію новому порядку вещей—именно со стороны католическаго духовенства Бельгіи, отличавшагося крайнею своею нетерпимостью. Многіе вліятельные члены его (князь Бролье, епископъ гентскій, аббатъ Фѣре и мн. др.) объявляли во всеуслышаніе, что всякій, кто присягнетъ конституціи, обезпечивающей одинаковую свободу всемъ вѣроисповѣданіямъ и дающей протестантскому правительству право вмѣшиваться въ публичное образованіе, совершитъ величайшее преступленіе. Обскурантизмъ расходившагося духовенства доходилъ до того, что одинъ изъ членовъ его въ одномъ своемъ посланіи, употребилъ слѣдующую замѣчательную фразу: «Въ конституціи встрѣчаются еще и другія статьи, исполненіе которыхъ истинный сынъ Церкви не можетъ обѣщать подъ присягою: такова напр. та, которая допускаетъ свободу печати». И эта оппозиція духовенства дѣйствовала очень сильно на населеніе и производила сильное волненіе въ странѣ. Хотя въ планъ нашей статьи не входитъ историческое изложеніе всехъ судебъ бельгійской конституціи, однако мы для того коснулись здѣсь этаго враждебнаго отношенія бельгійскаго духовенства къ новому правительству, чтобы показать, изъ какихъ источниковъ исходило первоначальное разногласіе

между правительствомъ и народомъ, имѣвшее окончательнымъ результатомъ свободу бельгійской націи и сооруженіе прекраснаго зданія бельгійской конституціи.

Что касается до основнаго закона Нидерландской монархіи (конституція 1815 года), то онъ состоитъ въ слѣдующемъ: конституція эта провозглашала Нидерландское королевство монархіею представительною; но въ сущности королевская власть получила въ немъ гораздо сильнѣйшее развитіе, нежели въ другихъ конституціонныхъ государствахъ. Одинъ король разрѣшалъ все административныя вопросы и рѣшалъ, какіе проекты законовъ слѣдовало предложить на обсужденіе представителей націи. При немъ былъ государственный совѣтъ, состоявшій не болѣе какъ изъ 24 членовъ, выбираемыхъ по возможности, изъ всехъ провинцій королевства; совѣтъ этотъ долженъ былъ обсуждать предложенія, дѣлаемые государемъ генеральнымъ штатамъ, предложенія истекающія отъ народнаго представительства и вообще все общія мѣры администраціи. Конституція 1815 года исключала отвѣтственность министровъ: неприкосновенность королевской власти прикрывала начальниковъ отдѣльныхъ управленій. Король царствовалъ и управлялъ; прежде нежели дѣйствовать, онъ совѣщался съ государственнымъ совѣтомъ; потомъ онъ постановлялъ рѣшенія самъ, по своимъ личнымъ убѣжденіямъ. Генеральные штаты, которые должны были собираться по крайней мѣрѣ разъ въ годъ, раздѣлялись на двѣ палаты: первая имѣла отъ 40—60 членовъ, назначаемыхъ пожизненно королемъ; вторая состояла изъ ста членовъ, назначаемыхъ провинціальными собраниями. Эти, въ свою очередь, состояли изъ представителей трехъ классовъ: дворянства или рыцарства, городовъ и селеній. Во вторую палату генеральныхъ штатовъ могли быть избраны лица, жившія въ провинціи, отъ которой они посылались, и достигшія тридцатилѣтняго возраста. Вторая палата возобновлялась ежегодно по третямъ; выбывающіе

члены могли быть немедленно вновь избираемы. Генеральные штаты не имѣли права измѣнять законы или обвинять министровъ; но они пользовались свободой слова и могли обсуждать бюджетъ. Далѣе конституція эта признавала свободу печати, право петицій, личную свободу, неприкосновенность жилища и несмѣняемость судей. Она обезпечивала націи свободу совѣсти, обѣщала одинаковое покровительство всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, существовавшимъ въ королевствѣ, объявляя, что всѣ жители его, безъ различія религіозныхъ вѣрованій, должны имѣть доступъ къ общественнымъ должностямъ, и представляла публичное образованіе неограниченному вѣдѣнію короля.

Этотъ основной законъ 1815 года, противъ котораго, какъ мы сказали выше, такъ неистово возставали католики, былъ въ сущности довольно либераленъ, и даже отчасти либеральнѣе древнихъ бельгійскихъ учрежденій; онъ имѣлъ нѣкоторое сходство съ англійской конституціей, на которую уже въ то время смотрѣли какъ на образецъ государственнаго устройства. Поэтому мы видимъ вначалѣ съ одной стороны оппозицію анти-либеральную, консервативную, реакціонерную, а съ другой — правительство, отстаивающее свои относительно-либеральныя учрежденія. Но оно само дало своимъ противникамъ оружіе противъ себя тѣмъ, что съ самаго начала стала нарушать и искажать этотъ законъ. Особенныя королевскія повелѣнія отмѣняли или измѣняли нѣкоторыя статьи закона 1815 года. Такъ еще въ томъ же году уничтоженъ былъ судъ присяжныхъ и гласное судопроизводство; несмѣняемость судей, обѣщанная конституціей, оставалась однимъ обѣщаніемъ; свобода печати никогда не существовала на дѣлѣ: она была ограничена еще въ 1815 году, по случаю возвращенія Наполеона съ острова Эльбы, и эти ограниченія оставались во всей силѣ и послѣ того, по минованіи исключительныхъ обстоятельствъ. Равноправность всѣхъ вѣроисповѣданій бы-

ла не по-сердцу протестантскому государю и его министрамъ; многія лица изъ среды католическаго духовенства, раздражавшія къ тому же короля своей упорной оппозиціей, подверглись сильнымъ преслѣдованіямъ. Наконецъ, пользуясь одарованнымъ ему конституціей правомъ имѣть народное образованіе подъ непосредственнымъ своимъ завѣдываніемъ, король началъ реформировывать по своему усмотрѣнію всѣ школы государства, какъ свѣтскія, такъ и духовныя, какъ протестантскія, такъ и католическія. Результаты подобнаго образа дѣйствій не трудно было предвидѣть: либералы, возлагавшіе сначала большія надежды на Вильгельма I-го, и оказывавшіе ему даже сильную поддержку въ борьбѣ его съ обскурантизмомъ католической партіи, не замедлили отшатнуться отъ него вслѣдствіе всѣхъ его антиконституціонныхъ мѣръ, и стали искать сближенія съ католической партіей. Даровитѣйшіе люди обѣихъ партій стали работать надъ этимъ сближеніемъ, дѣлать взаимныя уступки, и вскорѣ изъ католической партіи, отказавшейся отъ своихъ реакціонерныхъ стремленій, и изъ либеральной, усвоившей себѣ нѣкоторыя изъ тенденцій католиковъ, образовалась могущественная оппозиція, которая, опираясь на національную и религіозную вражду между бельгійскимъ народомъ и голландскимъ правительствомъ, сильно расшатала власть Вильгельма I въ Бельгіи. При первомъ толчкѣ извнѣ эта власть рушилась и никакія усилія не были съ состояніи воскресить ее.

Национальный конгрессъ, созданный вскорѣ послѣ начала бельгійской революціи, долженъ былъ заняться, между прочимъ, разсмотрѣніемъ и утвержденіемъ новой конституціи для Бельгіи. Этотъ замѣчательный конгрессъ, среди заботъ о защитѣ недавно пріобрѣтенной независимости, среди затрудненій, представлявшихъ при устройствѣ будущности этого юнаго государства, находилъ однакоже время серьезно заниматься дѣломъ первостепенной важности — созданіемъ

прочной Бельгійской конституціи. Еще до собранія этого конгресса, назначена была особая комиссія изъ извѣстнѣйшихъ политиковъ и юристовъ Бельгій, имѣвшая назначеніемъ составленіе проекта бельгійской конституціи. Съ неутомимымъ усердіемъ принялась она за дѣло, и при открытіи конгресса ему представленъ былъ на разсмотрѣніе проектъ этой комисіи. Несмотря на множество и на запутанность дѣлъ, которыми былъ заваленъ конгрессъ, онъ немедленно занялся разсмотрѣніемъ проекта комисіи, и 7-го февраля 1831 года (менѣе полугода послѣ начала революціи, четыре мѣсяца послѣ образованія конституціонной комисіи и менѣе нежели три мѣсяца послѣ открытія конгресса), бельгійская конституція была уже вотирована и утверждена въ конгрессѣ. Несмотря на ту поспѣшность, съ которою она была выработана и разсмотрѣна, она представляетъ однако нѣчто вполне оконченное и зрѣлое; и что болѣе всего замѣчательно, она, какъ мы замѣтили выше, не была сколкомъ, копіей съ какой-нибудь уже существующей конституціи (такую копію можно бы снять въ самый непродолжительный періодъ времени). Нѣтъ, повторяемъ, это было нѣчто новое, оригинальное, вполне самостоятельное, продуктъ чисто-бельгійскій. Эта-то оригинальность и совершенство бельгійской конституціи заставляють насъ еще болѣе удивляться быстротѣ, съ которою это дѣло было совершено.

Разсмотримъ же теперь въ чемъ состоитъ эта замѣчательная бельгійская конституція 7-го февраля 1831 года *).

II.

Бельгійскій конгрессъ положилъ въ основу своего труда тотъ принципъ, что *вся граждане равны передъ зако-*

* Histoire du Congrès national de Belgique ou de la fondation de la monarchie Belge, par *Theodore Juste*. 2 vol. Bruxelles, 1861. Histoire de la Revolution Belge de 1830. par *Carlo Gemelli*, traduit de l'italien par P. Royer; 1 vol. Bruxelles et Ostende, 1860.

номъ. Онъ окончательно хотѣлъ разстаться съ старымъ порядкомъ вещей, и, несмотря на оппозицію нѣкоторыхъ дворянъ, объявилъ не существующимъ различіе гражданъ по классамъ (*ordres*), утвержденное основнымъ закономъ 1815 года. Далѣе конституція освящаетъ права, которыми бельгійскія провинціи пользовались уже въ прежнія времена: личную свободу, неприкосновенность жилища, невозможность быть арестованнымъ иначе, какъ по судебному постановленію. Нѣкоторые члены конгресса предлагали узаконить право обороны въ случаѣ нарушенія неприкосновенности жилища. Но большинство, допуская это право въ принципѣ, нашло однако же, что примѣненіе его могло бы повести къ большимъ затрудненіямъ, и по этому рѣшено было, что гражданинъ, подвергшійся произволу, и оскорбленный превышеніемъ власти, долженъ былъ искать удовлетворенія судебнымъ порядкомъ. Конституція постановила также, что никто не можетъ быть подвергнутъ преслѣдованію иначе, какъ въ случаѣ предвидѣнномъ и въ формѣ установленной закономъ и что гражданинъ не можетъ быть наказанъ иначе какъ въ силу закона.

Конгрессъ понялъ, что право собственности нераздѣльно съ свободой. Онъ понялъ, что государству принадлежитъ только роль покровителя, оберегателя, судьи; что частное, индивидуальное право есть истинное законное, рациональное. Поэтому мы видимъ въ бельгійской конституціи слѣдующее постановленіе касательно частной собственности: «частная собственность неприкосновенна, правительство должно уважать ее; оно можетъ лишить собственника его собственности только въ виду общественной пользы и за достаточное вознагражденіе». Равнымъ образомъ конституція не допускаетъ наказанія черезъ конфискацію имущества. Конгрессъ видѣлъ въ этомъ видѣ наказанія нѣчто поражающее невиннаго вмѣстѣ съ виноватымъ, лишающее благосостоянія не только осужденнаго, но и его не-

винное семейство. На томъ же самомъ основаніи конгрессъ ввелъ въ бельгійскую конституцію слѣдующее гуманное нововведеніе: онъ уничтожилъ *гражданскую смерть*, которую существовавшіе доселѣ законы считали необходимымъ слѣдствіемъ другаго судебного наказанія. Онъ полагалъ, что человѣкъ, сдѣлавшій какое нибудь преступленіе, тѣмъ самымъ не пересталъ быть отцомъ, сыномъ, мужемъ, родственникомъ, и что поэтому было бы несправедливо разрывать и прекращать всѣ эти связи, которыя не имѣютъ ничего общаго съ совершеннымъ преступленіемъ.

Въ числѣ жалобъ и неудовольствій бельгійцевъ на прежнее ихъ правительство, мы видимъ жалобы на то исключительное господство надъ народнымъ образованіемъ, которое присвоило себѣ правительство Вильгельма I. Если оно принесло немало пользы странѣ, учредивши въ Бельгій 6 высшихъ, много среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, то оно съ другой стороны стѣсненіемъ преподавателей возбуждало постоянно немалое неудовольствіе, какъ въ духовенствѣ, такъ и въ свѣтскихъ людяхъ.

Временное правительство, управлявшее страной въ первое время послѣ революціи, отмѣнило всѣ эти законы. Вліяніе правительства должно было впредь простираться лишь на тѣ заведенія, которыя были имъ основаны, или которыя получали отъ него субвенціи; съ другой стороны общины, духовныя корпораціи и частныя лица получили право основывать школы и управлять ими. Коммиссія, составлявшая проектъ конституціи, предлагала по этому вопросу слѣдующее постановленіе: «обученіе должно быть свободно; всякая предупредительная мѣра воспрещается; способъ контроля и карательныя мѣры должны быть опредѣлены закономъ. Равнымъ образомъ подчинено закону и публичное образованіе, которое производится на счетъ правительства». Послѣ весьма оживленныхъ и даже бурныхъ преній, конгрессъ выбросилъ статью о надзорѣ за преподаваніемъ и статья 17-я конституціи, заключающая

въ себѣ вопросъ о народномъ образованіи, получила слѣдующую редакцію: «обученіе должно быть свободно; не прибѣгая ни къ какимъ предупредительнымъ мѣрамъ; законъ долженъ съ точностію опредѣлить наказанія за преступленія и проступки, совершенныя во имя или подъ предлогомъ свободы обученія». Здѣсь однакоже не лишнимъ будетъ замѣтить, что во все время преній ни одинъ членъ конгресса не увлекся до того, чтобы отрицать у правительства право основывать школы на суммы государства, и имѣть ихъ въ своемъ завѣдываніи.— Напротивъ та же 17-я статья конституціи даже обязываетъ правительство содержать учебныя заведенія. Конгрессъ понималъ, что участіе государства въ дѣлѣ народнаго образованія необходимо для успѣшнаго его хода. Такъ какъ учебныя заведенія частныхъ лицъ зависятъ отъ денежныхъ средствъ ихъ учредителей, и такъ какъ эти средства часто могутъ быть недостаточными или ненадежными, то государство непременно должно быть въ состояніи парализовать дѣйствіе всякихъ случайностей. Такимъ образомъ по смыслу бельгійской конституціи, учебныя заведенія, основанныя правительствомъ при содѣйствіи законодательнаго сословія, и находящіяся подъ его управленіемъ, имѣютъ прекрасное и благотворное назначеніе: они должны возбуждать благородное соревнованіе между частными лицами, не допускать монополій, удалять рутину, и служить для народнаго образованія гарантіей противъ всевозможныхъ, неблагоприятныхъ случайностей.

Бельгійская конституція выражается съ большою опредѣленностью на счетъ свободы печати. «Печать свободна, говоритъ она: цензура не можетъ быть введена; отъ писателей, издателей и типографчиковъ не требуется никакихъ обезпеченій. Когда имя автора какого-нибудь сочиненія извѣстно и онъ имѣетъ жительство въ Бельгій, то издатель этого сочиненія, владѣтель типографіи, въ которой оно печаталось, и продавецъ его не подвергаются никакой отвѣтственности».

Равнымъ образомъ, отмѣненъ былъ весьма тягостный для авторовъ законъ 1829 года, безусловно запрещавшій обиду, клевету, и всякое посягновеніе на право отдѣльной личности, и допускавшій самое широкое и стѣнительное для авторовъ толкованіе. Однако бельгійскій конгрессъ счелъ необходимымъ позаботиться о присканіи мѣръ противъ злоупотребленія свободой печати и объ огражденіи истинной свободы противъ нападковъ своеволя и ложной свободы. Поэтому онъ, вслѣдъ за постановленіями, обеспечивающими свободу слова, издалъ законъ, по которому авторъ, позволившій себѣ нанести оскорбленіе личности конституціоннаго короля, палата, чиновниковъ или частнаго лица, могъ быть призванъ къ суду, съ тѣмъ чтобы «объявленіе виновности или невинности въ дѣлахъ прессы принадлежитъ суду присяжныхъ».

Временное правительство 1830 года дозволило гражданамъ составлять по своему благоусмотрѣнію ассоціаціи; право составлять ассоціаціи предполагало, разумѣется, право собираться вмѣстѣ. Конституціонная коммисія, понимая всю важность этого права, предложила въ своемъ проектѣ слѣдующее постановленіе объ этомъ предметѣ: «бельгійцы пользуются правомъ собираться мирно и безъ оружія; никакого предварительнаго разрѣшенія для этого не нужно». Хотя конгрессъ былъ вообще врагъ всякихъ предупредительныхъ мѣръ, однако въ настоящемъ случаѣ онъ счелъ нужнымъ отступить отъ общаго своего правила. Это странное отступленіе можно объяснить только желаніемъ оградить страну и общество отъ происковъ крайней католической партіи и іезуитовъ. Конгрессъ слѣдующимъ образомъ измѣнилъ первоначальную редакцію конституціонной коммисіи въ статьѣ объ ассоціаціяхъ; «бельгійцы имѣютъ право собираться мирно и безъ оружія, соображаясь съ законами, которые будутъ изданы по этому предмету, не нуждаясь притомъ въ предварительномъ разрѣ-

шеніи». Но вслѣдъ за тѣмъ было рѣшено, что это постановленіе не должно быть примѣнено къ собраніямъ подъ открытымъ небомъ.

Конституція признаетъ за бельгійскими гражданами право петиціи, представляя въ тоже время общественнымъ властямъ право подавать коллективныя просьбы. Конституція освящаетъ ненарушимость тайны писемъ, объявляя, что особенный законъ опредѣлитъ степень отвѣтственности нарушителей этой тайны. Наконецъ она заключаетъ въ себѣ наставленія и относительно нарѣчій, употребительныхъ въ Бельгій. Впродолженіи многихъ вѣковъ, при бургундскомъ, испанскомъ и австрійскомъ владычествахъ, французскій языкъ былъ постоянно официальнымъ языкомъ правительства, и онъ пересталъ быть таковымъ только во время голландскаго владычества. Конгрессъ, признавая необходимымъ имѣть одинъ официальный языкъ для актовъ правительственныхъ, возвратилъ французскому языку его прежнее значеніе, которое онъ долженъ былъ уступить на время голландскому, и объявилъ его официальнымъ. Впрочемъ онъ не хотѣлъ нисколько стѣнять вкусовъ, привычекъ или предпочтенія гражданъ: всякій законъ издавался непременно на трехъ языкахъ — на официальномъ французскомъ, и кромѣ того на фламандскомъ и нѣмецкомъ для тѣхъ общинъ, которыя не понимали французскаго языка. Бельгійскимъ подданнымъ кромѣ того позволено выбирать въ судахъ тотъ языкъ, который имъ угодно, и подобно тому какъ въ Швейцаріи, даже въ представительныхъ собраніяхъ не обязательно употребленіе одного какого-либо языка. Наконецъ конгрессъ счелъ нужнымъ укрѣпить общественную свободу и обезпечить гражданъ противъ произвола власти. Онъ не захотѣлъ оставить въ силѣ прежній законъ, по которому необходимо постановленіе государственнаго совѣта для того, чтобы предать суду чиновниковъ правительства за преступленія и злоупотребленія при отправленіи ихъ дол-

жностей. Онъ не рѣшился узаконить своею властью мѣру, которая уничтожала отвѣтственность лицъ, пользующихся властью, и устанавливала привилегію въ пользу извѣстной категоріи гражданъ. Поэтому перечисленіе общихъ правъ бельгійцевъ оканчивается слѣдующимъ постановленіемъ: «Не требуется никакого предварительнаго разрѣшенія для того, чтобы подвергнуть судебному преслѣдованію общественныхъ чиновниковъ за дѣла, касающіеся ихъ управленія; относительно отвѣтственности министровъ будетъ издано особое постановленіе».

III.

Бельгійская конституція заключаетъ въ себѣ одно чрезвычайно важное нововведеніе, именно—независимость церкви и совершенное отдѣленіе ея отъ государства. Этотъ вопросъ, какъ и вообще устройство церковныхъ дѣлъ въ Бельгій, возбудилъ самыя бурныя пренія въ конгрессѣ. Касательно свободы вѣроисповѣданія, конституціонная комисія предложила слѣдующее постановленіе: «Обезпечивается свобода исповѣданій и убѣжденій. Публичное отправленіе какого-нибудь богослуженія или обряда можетъ быть воспрещено только въ силу закона, и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно нарушаетъ общественный порядокъ или спокойствіе». Но либеральное большинство конгресса, желая внести болѣе терпимости и независимости въ дѣла убѣжденія и совѣсти, измѣнило слѣдующимъ образомъ эту статью конституціи: «Обезпечивается свобода исповѣданій, свобода публичнаго отправленія богослуженія и обрядовъ, и свобода высказывать свои убѣжденія по всеѣмъ предметамъ; но преступленія, совершенныя при пользованіи этими правами, подвергаются преслѣдованію».

Вопросъ о бракѣ, возбудившій также не малую бурю въ конгрессѣ, былъ рѣшенъ въ конституціи слѣдующимъ обра-

зомъ: «Признаются оба вида брака—гражданскій и церковный; но гражданскій бракъ долженъ всегда предшествовать благословенію церкви».

Бельгійская конституція содержитъ также постановленіе о вознагражденіи священникамъ; вотъ какъ говоритъ объ этомъ предметѣ статья 117 конституціи: «Жалованье, пенсіи и другія, какія бы то ни было вознагражденія, которыми пользуются въ настоящее время духовныя лица разныхъ вѣроисповѣданій, лежатъ на обязанности государства. Законъ можетъ также назначить жалованье тѣмъ священникамъ, которые имъ не пользуются, или прибавку тѣмъ, жалованье которыхъ недостаточно. Нужныя на этотъ предметъ суммы ежегодно вносятся въ бюджетъ». Первоначально было сдѣлано предложеніе, чтобы государство платило жалованье духовнымъ лицамъ *всѣмъ вѣроисповѣданій*, безъ всякихъ ограниченій; но большинство конгресса нашло несправедливымъ, чтобы государство обязалось содержать священниковъ всевозможныхъ исповѣданій, и потому онъ сдѣлалъ обязательнымъ для государства содержаніе духовныхъ лицъ тѣхъ только исповѣданій, которыя пользовались имъ въ то время.

IV.

Касательно формы правленія было постановлено развѣ навсегда, что бельгійская нація избираетъ для себя форму представительной монархіи съ двумя выборными палатами. Затѣмъ конгрессъ, сознавая необходимость трехъ властей, которыя не должны быть смѣшиваемы или сосредоточиваемы въ однѣхъ рукахъ, призналъ существованіе власти законодательной, которая должна предписывать законы, коими управляется общество; власти исполнительной, обязанность которой состоитъ въ исполненіи и наблюденіи за исполненіемъ этихъ законовъ, и власти судебной, которая наказываетъ преступленія противъ этихъ законовъ и согласуетъ

частные интересы, сообразуясь при этомъ съ законами и мѣрами, предписанными властью законодательною и исполнительною. Въмѣстѣ съ тѣмъ бельгійская конституція допустила въ должныхъ границахъ самостоятельность провинцій и общины.

Признавая въ общихъ основаніяхъ раздѣленіе трехъ властей въ государствѣ, равно какъ провинціальную и общинную самостоятельность, конституція должна была опредѣлить съ точностью кругъ дѣйствія, обязанности, прерогативы каждой изъ этихъ трехъ властей и степень самостоятельности провинцій и общины. Конгрессъ тщательно и добросовѣстно занялся этимъ дѣломъ, и мы считаемъ не лишнимъ прослѣдить съ нѣкоторою подробностью эту часть его занятій.

Касательно опредѣленія прерогативъ главы государства слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ отношеніи бельгійскій конгрессъ находился въ особенно благопріятномъ положеніи. Въ то время когда онъ занимался выработываніемъ конституціи, Бельгія еще не имѣла короля, и неизвѣстно даже было, къ какой династіи будетъ принадлежать будущій монархъ Бельгіи. Поэтому при опредѣленіи правъ и ограниченій королевской власти, конгрессъ не сталкивался ни съ какими монархическими преданіями уже существующей династіи, какъ это часто случалось при введеніи конституціоннаго правленія въ другихъ странахъ; ему не приходилось оскорблять самолюбія монарха, налагая на него конституціонныя ограниченія и стѣсненія, которыхъ прежде не знали ни самъ онъ, ни его предшественники; онъ никого ничего не лишалъ, такъ какъ самое государство было столь же ново, какъ и создаваемая конгрессомъ конституція, и такъ какъ династія, которую предполагалось призвать на конституціонный престолъ Бельгіи, не должна была и не могла имѣть никакихъ монархическихъ, абсолютическихъ традицій. И несмотря на это выгодное положеніе конгресса, не смотря на то, что въ немъ засѣдали люди извѣстные своими

республиканскими и крайне-демократическими тенденціями, мы находимъ въ бельгійской конституціи такія постановленія о королевской власти, которыхъ никакъ нельзя назвать стѣснительными для послѣдней: они конечно свидѣтельствуютъ, что конгрессъ не думалъ предложить вновь избираемому государю власть королевскую болѣе ограниченную, нежели какою пользуются другіе конституціонные государи. Вотъ что конституція постановляетъ относительно королевской власти: Король пользуется правами, которыя предоставляетъ ему конституція и особые законы, основанные на самой конституціи. Конституція предоставляетъ королю высшую исполнительную власть, и часть власти законодательной, которая раздѣляется поровну между нимъ и палатами; она предоставляетъ ему право созывать палаты, отсрочивать ихъ засѣданія и распускать ихъ; ему принадлежитъ право освящать и обнародывать акты законодательной власти; ему же принадлежитъ командованіе сухопутными и морскими военными силами; ему же предоставлено право объявлять войну *) и заключать миръ, замѣщать военныя и гражданскія должности, въ границахъ обозначенныхъ закономъ; ему принадлежитъ также право заключать трактаты и договоры, съ тѣмъ чтобы палаты утверждали торговые трактаты и тѣ, которые могутъ отягощать государственную казну и лично связывать въ чемъ-нибудь бельгійцевъ; онъ долженъ издавать нужныя постановленія и принимать нужныя мѣры для исполненія законовъ, но не имѣетъ права уничтожить самые законы, или освободить кого-нибудь отъ обязанности исполнять ихъ; онъ можетъ уничтожить распоряженія провинціальной или общинной администраціи, если эти распоряженія противны об-

* Нѣкоторые члены конгресса хотѣли отнять у главы государства исключительное право объявленія войны, полагая, что это право легко могло бы перейти къ злоупотребленіямъ. Но большинство нашло, что нація имѣетъ достаточныя гарантіи противъ излишней воинственности монарха въ правѣ палатъ вотировать ежегодно военный бюджетъ и контингентъ войска.

щественнымъ интересамъ; королю принадлежитъ право помилованія или облегченія наказаній, присужденныхъ судомъ; наконецъ онъ пользуется правомъ чеканить монету и раздавать дворянскіе титулы. Противъ этого послѣдняго права въ конгрессѣ раздѣлились многочисленныя и краснорѣчивыя голоса: находили, что предоставленное королю право возводить въ дворянское достоинство нарушаетъ равноправность всѣхъ бельгійцевъ передъ закономъ, возстановляетъ отмѣненныя первой статьей конституціи сословныя привилегіи, мѣшаетъ искреннему объединенію всей націи, и поэтому можетъ быть вредно для конституціи. Послѣ многихъ споровъ и толковъ этотъ вопросъ былъ рѣшенъ слѣдующимъ образомъ: главѣ государства предоставляется право раздавать дворянскіе титулы, но съ тѣмъ важнымъ ограниченіемъ, что онъ не можетъ соединять съ этими титулами никакихъ особенныхъ привилегій. На счетъ неприкосновенности короля конституція говоритъ, что «особа главы государства неприкосновенна»; но государь не можетъ издать ни одного акта безъ участія и подписи одного изъ министровъ, который и несетъ отвѣтственность за этотъ актъ. На содержаніе короля и его семейства (*liste-civile*) назначено было ежегодно 2,750,000 франковъ.

Въ конституціонномъ государствѣ главная роль принадлежитъ власти законодательной. Бельгійскій конгрессъ объявилъ, что она должна принадлежать совокупно главѣ государства, палатѣ представителей и сенату. Чтобы сохранить должное равновѣсіе между исполнительною и законодательною властью, конгрессъ рѣшилъ, что инициатива въ дѣлѣ законодательства, т. е. право предлагать непосредственно проекты законовъ, должна принадлежать всѣмъ тремъ факторамъ законодательной власти. Исключеніе было сдѣлано только относительно законовъ о государственныхъ доходахъ и расходахъ и о военномъ контингентѣ. Такъ какъ эти законы относятся къ такимъ повинностямъ, которыя касаются преимуществен-

но среднихъ и низшихъ то конституція классовъ, хочетъ, чтобы они были вотированы прежде всего палатою депутатовъ, какъ истинною представительницею интересовъ этихъ классовъ. Далѣе желая отнять у исполнительной власти возможность произвольно толковать законы, что легко могло бы повести къ злоупотребленіямъ, конституція опредѣляетъ, что право толкованія законовъ, въ тѣхъ случаяхъ гдѣ это окажется необходимымъ, принадлежитъ исключительно законодательной власти.

Какъ мы сказали выше, власть законодательная должна была принадлежать королю и двумъ палатамъ: палатѣ представителей и сенату. Вслѣдъ за этимъ общимъ опредѣленіемъ, конституція содержитъ въ себѣ постановленія, касающіяся обѣихъ палатъ вмѣстѣ. Прежде всего она постановляетъ, что члены обѣихъ палатъ должны быть представителями цѣлой націи, а не только той провинціи или того подраздѣленія провинціи, которая ихъ выберетъ въ палату. Это не значило, что вся власть народная будетъ сосредоточена въ двухъ законодательныхъ палатахъ; но этимъ выразилась та мысль, что каждый членъ ихъ долженъ быть уполномоченнымъ цѣлой націи, а не того только избирательнаго округа, который подалъ свои голоса въ его пользу. За тѣмъ конституція, желая поставить депутатовъ лицомъ къ лицу со всей страной, объявляетъ, что парламентскія засѣданія должны быть публичными; но рядомъ съ этимъ постановленіемъ мы находимъ въ ней, что исключеніе изъ этого правила допускается въ тѣхъ случаяхъ, когда общественный интересъ потребуетъ того, чтобы публика не была посвящена въ тайны парламентскихъ преній. Вслѣдъ за этою статьею, нарушающею нѣсколько общую гармонію, конституція опредѣлила, что подача голосовъ въ палатахъ должна быть открытая. Такимъ образомъ нація можетъ безпрепятственно контролировать своихъ представителей, и имѣетъ достаточныя гарантіи въ твердости ихъ характера и въ парламентской ихъ

честности; сдѣлки и стачки, покрываемыя тайной подачей голосъ, дѣлались невозможными.

Независимость парламента обезпечивалась постановленіями, которыя давали каждой палатѣ право избирать самой своихъ президентовъ, вице-президентовъ и секретарей, и повѣрять полномочія своихъ членовъ; они же дѣлали ее единственнымъ судьбою въ могущихъ возникнуть по этому поводу спорныхъ вопросахъ. Кромѣ того независимость ихъ была обезпечена, тѣмъ что конституція объявляла членовъ ихъ неприкосновенными на время засѣданій. Никакой членъ сената или палаты представителей не можетъ подвергнуться какому бы то ни было преслѣдованію замиѣнія, высказываемыя имъ въ парламентѣ, или за подачу голоса въ пользу того или другаго мнѣнія. Во все время засѣданій ни одинъ членъ палаты не можетъ быть ни подвергнутъ судебному преслѣдованію, ни арестованъ безъ вѣдома и согласія палаты, къ которой онъ принадлежитъ (исключеніе изъ этого правила допускается только въ случаѣ захвата на мѣстѣ преступленія). Равнымъ образомъ необходимо согласіе палаты для того, чтобы во время сессіи задержать одного изъ ея членовъ за долги; содержаніе подъ арестомъ и судебное преслѣдованіе членовъ палаты должны быть прекращены во время сессіи, если палаты этого потребуютъ. Наконецъ къ весьма важнымъ прерогативамъ бельгійскаго парламента, узаконеннымъ конституціей 1831 года, но не признаннымъ прежними конституціями страны, принадлежитъ право его исправлять предлагаемые на его разсмотрѣніе проекты законовъ.

Затѣмъ конституція рѣшаетъ важный вопросъ о томъ, какими средствами сохранить независимость палатъ неприкосновенною отъ вліянія, которое исполнительная власть можетъ оказать на нихъ черезъ раздачу должностей. Мнѣнія на этотъ счетъ были самыя разнообразныя. Одни члены конгресса полагали, что представителямъ націи слѣдуетъ безу-

словно запретить принимать общественныя должности, соединенныя съ опредѣленнымъ содержаніемъ отъ правительства; другіе полагали, что это правило слѣдуетъ распространить только на нѣкоторыя должности, какъ то: на чиновниковъ счетной палаты, на придворныя должности, и на нѣкоторыя другія; третьи напротивъ требовали, чтобы всѣмъ бельгійцамъ предоставлена была полная свобода соединять народное представительство съ другими общественными обязанностями; они не хотѣли даже, чтобы губернаторамъ провинцій запрещено было являться кандидатами въ члены палатъ въ тѣхъ самыхъ провинціяхъ, которыя находились подъ ихъ управленіемъ. Большинство конгресса склонилось въ пользу этого послѣдняго направленія; члены его не хотѣли, чтобы вырабатываемая ими конституція заключала въ себѣ стѣненія во имя свободы, и чтобы благоразумная недоувѣрчивость послужила бы поводомъ къ безусловному ostracismu. Они нашли несправедливымъ лишать народъ возможности избирать себѣ представителей между достойными и пользующимися его довѣріемъ чиновниками, потому только что они чиновники, и пользуются содержаніемъ отъ правительства, равно какъ и народныхъ представителей возможности, быть полезными народу въ должности общественныхъ чиновниковъ. Поэтому конституція, полагаясь въ этомъ отношеніи на здравый смыслъ народа, заключаетъ въ себѣ постановленіе, по которому народнымъ представителямъ не воспрещается принимать общественныя должности, а чиновникамъ быть членами палатъ. Но чтобы доставить все таки парламентской независимости необходимыя гарантіи, она требуетъ, чтобы членъ палаты, принимающій какую бы то ни было общественную должность, соединенную съ содержаніемъ отъ правительства, подвергся бы вторичному избранію въ томъ избирательномъ округѣ, который выбралъ его своимъ представителемъ.

Велѣдъ за постановленіями, касающимися обѣихъ палатъ

въ совокупности, конституція заключаетъ въ себѣ узаконенія относительно каждой палаты въ особенности. Она постановила основнымъ правиломъ, что члены обѣихъ палатъ избираются посредствомъ прямыхъ выборовъ, на основаніи извѣтнаго ценза. Но вслѣдъ за этимъ общимъ опредѣленіемъ нужно было войти въ подробности и выработать избирательный законъ, который былъ бы въ одно и тоже время справедливъ, либераленъ и проченъ. Онъ долженъ былъ во 1-хъ опредѣлить, кто можетъ быть избирателемъ, нуженъ ли или не нуженъ для этого цензъ, и какой именно; во 2-хъ установить равновѣсіе при выборахъ между городами и деревнями, и въ 3-хъ распределить членовъ сената и палаты депутатовъ по разнымъ провинціямъ. Обсужденіе этихъ вопросовъ возбудило въ конгрессѣ оживленныя пренія, и рѣшеніе ихъ воспослѣдовало только послѣ нѣсколькихъ бурныхъ засѣданій. Прежде всего предстояло рѣшить вопросъ о цензѣ. Въ конгрессѣ было нѣсколько республиканцевъ, приверженцевъ всеобщей подачи голосовъ; но число ихъ было незначительно. Въ большинствѣ членовъ конгресса господствовало убѣжденіе въ невозможности правильно и прочно устроить государство посредствомъ всеобщей подачи голосовъ, и поэтому вопросъ о всеобщей подаче былъ вскорѣ рѣшенъ отрицательно, и она не нашла себѣ мѣста въ бельгійской конституціи. Итакъ необходимость ценза была признана конгрессомъ; но предстояло рѣшить вопросъ: каковъ долженъ быть этотъ цензъ? Во-первыхъ рѣшили, что нельзя предоставить опредѣленіе этого ценза произволу послѣдующихъ законодателей; что съ другой стороны нельзя установить разъ навсегда и для всѣхъ мѣстностей одинъ опредѣленный цензъ, потому что обстоятельства мѣстности и времени могутъ требовать измѣненія его, и что поэтому слѣдуетъ опредѣлить maximum и minimum, черезъ который законодатель не имѣетъ права переступить. Было постановлено, что право быть избирателемъ принадлежить

всякому гражданину, который платитъ извѣстное количество прямыхъ налоговъ: количество это не должно было превышать 100 флориновъ и быть ниже 20-ти. Но за тѣмъ предстояло рѣшить вопросъ о томъ, каковъ именно долженъ быть цензъ для различныхъ мѣстностей; каковъ для городовъ и каковъ для селеній, и не слѣдуетъ ли сдѣлать въ этомъ отношеніи какія-нибудь ограниченія и исключенія? Одинаковость ценза для городовъ и селеній отвергнута была конгрессомъ; мало того, сначала даже сдѣлали различіе относительно ценза для отдѣльныхъ провинцій и городовъ. Но это подало поводъ къ безконечнымъ спорамъ: одни хотѣли всеобщаго пониженія ценза противъ того, который предлагала конституціонная комиссія; другіе, опасаясь чтобы интересы городовъ не получили слишкомъ сильнаго преобладанія надъ интересами сель, предлагали увеличить цензъ для первыхъ и понизить его для послѣднихъ; третьи наоборотъ боялись, что сельское населеніе своею численностью подавитъ городекое, и предлагали уравнивать по возможности цензы для того и другаго. Сюда же примѣшались и интересы разныхъ провинцій: для однѣхъ требовалось возвышеніе, для другихъ пониженіе цензовъ. Наконецъ послѣ бурныхъ преній объ этомъ вопросѣ, конгрессъ постановилъ слѣдующее: для сельскаго населенія всѣхъ провинцій опредѣляется одинаковый цензъ—30 флориновъ прямыхъ податей; для городовъ, сообразно съ числомъ жителей и другими мѣстными условіями, онъ измѣнялся отъ 35 до 80 флориновъ; это сдѣлано было съ тою цѣлью, чтобы число городскихъ избирателей не превышало бы числа избирателей сельскихъ. Такое постановленіе примирило всѣ партіи, и было утверждено почти единогласно. Но здѣсь нельзя не замѣтить, что конгрессъ въ своемъ опасеніи нарушить основное правило конституціи о равенствѣ всѣхъ передъ закономъ, поступилъ не совсѣмъ логично и справедливо. Нѣкоторые депутаты *), желая дать

*) Особенно замѣчательнъ между ними католическій аббатъ Фере.

Большее участіе въ выборахъ умственной аристократіи страны, предложили совершенно освободить отъ установленнаго ценза, или по-крайней-мѣрѣ понизить цензъ для людей, имѣющихъ ученое званіе, какъ-то: для докторовъ и лиценціатовъ по разнымъ отраслямъ наукъ, для профессоровъ университетовъ, атенеевъ и коллегій, и наконецъ для священниковъ. На большинство конгресса рѣшило, что принять это правило—значило бы установить привилегію въ пользу извѣстнаго класса людей, между тѣмъ какъ бельгійская конституція не допускаетъ никакихъ исключительныхъ привилегій; оно боялось нарушить этимъ признанную конституціей равноправность всѣхъ бельгійцевъ передъ закономъ, и отвергло это благоразумное предложеніе. Напрасно ему поставляли на видъ, что если уже онъ хочетъ оставаться вполнѣ послѣдовательнымъ и не допускать никакихъ привилегій, то ему никакъ не слѣдуетъ устанавливать привилегію въ пользу тѣхъ, которые имѣютъ больше денегъ, нежели другіе, какъ оно это сдѣлало учредивши цензъ; что если уже допускать необходимость привилегій, то гораздо лучше установить ихъ въ пользу людей, обладающихъ умственнымъ капиталомъ, нежели капиталомъ вещественнымъ. Но какъ мы уже сказали, конгрессъ не внялъ этимъ справедливымъ замѣчаніямъ, и не сдѣлалъ никакого исключенія въ пользу образованныхъ классовъ страны. Равнымъ образомъ отвергнуто было, какъ несогласное съ равноправностью гражданъ, предложеніе другаго члена, предлагавшаго даровать право быть избирателемъ только тѣмъ гражданамъ, которые умѣютъ читать; это ограниченіе мотивировалось необходимостью изъять по возможности безграмотную и вполнѣ невѣжественную часть населенія отъ вреднаго посторонняго вліянія, и собственно отъ вліянія католическаго духовенства, которое безъ этого условія могло бы руководить извѣстною частью избирателей, совершенно по своему усмотрѣнію.

Загѣмъ конституція говоритъ, что законъ долженъ съ точностью обозначить избирательные округа и опредѣлить въ какихъ мѣстахъ должны производиться выборы; это дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы отнять у исполнительной власти возможность вліять на выборы черезъ измѣненіе избирательныхъ округовъ и перемѣщеніе избирательныхъ коллегій изъ одного мѣста въ другое. Наконецъ относительно числа представителей конгрессъ рѣшилъ что оно должно соразмѣряться съ населеніемъ страны, а именно—что одинъ депутатъ долженъ приходиться не менѣе какъ на 40,000 жителей; при томъ палата представителей должна имѣть вдвое больше членовъ, нежели сенатъ. Сообразно съ этою пропорціей палата представителей должна была состоять изъ 102 депутатовъ, а сенатъ изъ 51; эти члены распределены были весьма различнымъ образомъ по разнымъ провинціямъ, смотря по численности населенія, удовлетворяющаго вышеприведенному цензу.

Далѣе опредѣлены были условія, которыя давали право быть избраннымъ въ депутаты. Этихъ условій было всего четыре. Въ депутаты могъ быть избранъ всякій, кто былъ рожденъ въ Бельгій или по-крайней-мѣрѣ натурализованъ въ ней, кто пользовался всеми гражданскими и политическими правами, кто достигъ двадцати пяти-лѣтняго возраста, и кто имѣлъ жительство въ Бельгій. Вмѣстѣ съ тѣмъ конституція постановляетъ, что никто не можетъ требовать никакихъ другихъ условій, которыя ограничивали бы возможность быть избраннымъ въ депутаты. Палата избирается на четыре года. Но черезъ два года половина членовъ ея выбывается по жребію и замѣняется другими (если только не было распущенія всей палаты). Это постановленіе давало обществу миѣнію возможность ясно высказываться въ промежутокъ времени отъ однихъ выборовъ до другихъ: палата представителей, возобновляемая по половинамъ каждые

два года должна была постоянно оставаться истиннымъ толкователемъ желаній и нуждъ страны.

Бельгійскій конгрессъ не захотѣлъ послѣдовать примѣру Франціи и Англіи, гдѣ аристократическія преданія требуютъ безвозмездныхъ трудовъ отъ членовъ палаты депутатовъ и палаты общинъ. Правда и здѣсь раздались голоса нѣкоторыхъ безусловныхъ поклонниковъ англійскихъ учреждений, которые утверждали, что членомъ палаты можетъ быть только человекъ съ независимымъ состояніемъ, и что въ странѣ навѣрное найдется достаточное число безкорыстныхъ людей, которые не отказались бы явиться представителями страны безъ всякаго за то возмездія. Но на это имъ возражали, что подобное постановленіе о безвозмездномъ представительствѣ было бы самымъ лучшимъ средствомъ исключить изъ палаты самый многочисленный и самый просвѣщенный классъ населенія — средній классъ, потому что люди не богатые, живущіе только трудомъ своимъ, не будутъ въ состояніи бросать на нѣсколько мѣсяцевъ въ году свои занятія и засѣдать въ палатѣ безъ всякаго вознагражденія; доказывали, что слѣдствіемъ этого постановленія было бы то, что палата депутатовъ, какъ и сенатъ, наполнялась бы только людьми богатыми, представителями земельной и денежной аристократіи и что такимъ образомъ въ Бельгіи существовало бы представительство аристократіи, а не народа. Эти благоразумные и вполне справедливые доводы убѣдили большинство конгресса и конституція постановляетъ, что всѣ члены палаты представителей получаютъ вознагражденіе изъ государственной казны. Послѣ нѣкоторыхъ споровъ о величинѣ этого вознагражденія и о томъ, слѣдуетъ ли его опредѣлять погодно, помѣсячно или по засѣданіямъ — рѣшено было, что «представители націи пользуются вознагражденіемъ въ 200 флориновъ ежемѣсячно, на все время сессіи.» Затѣмъ въ видѣ предупрежденія скопленія нѣсколькихъ окладовъ въ однѣхъ рукахъ, предложено было поста-

новить, что тѣ изъ депутатовъ, которые занимаютъ въ тоже время другія общественныя должности, не должны получать вознагражденія, назначаемого представителямъ, или же отказать отъ своего чиновническаго жалованья; равнымъ образомъ предложено было лишить вознагражденія тѣхъ депутатовъ, которые живутъ въ Брюсселѣ. Несмотря на явную несправедливость и нелогичность обоихъ этихъ предложеній, только первое было отвергнуто; что же касается до втораго, то въ конституцію дѣйствительно включена была статья, по которой депутатамъ, обитающимъ въ Брюсселѣ, не полагается никакого вознагражденія.

Въ постановленіяхъ бельгійской конституціи о сенатѣ мы замѣчаемъ одно чрезвычайно важное нововведеніе, котораго нѣтъ въ другихъ конституціяхъ. Между-тѣмъ какъ въ другихъ странахъ мы видимъ или наслѣдственныхъ членовъ верхней палаты, или членовъ назначаемыхъ главою государства, или же избираемыхъ извѣстнымъ привилегированнымъ сословіемъ (аристократіей), бельгійская конституція объявляетъ, что «сенатъ долженъ имѣть одинаковое происхожденіе съ палатою представителей, т. е. непосредственное избраніе тѣми же самыми избирателями». Но такъ какъ сенатъ долженъ служить представителемъ аристократическихъ и консервативныхъ элементовъ, то въ члены сената можетъ быть избранъ только тотъ, кто достигъ сорока-лѣтняго возраста, и кто платитъ въ Бельгіи не менѣе 1000 флориновъ прямыхъ налоговъ; кромѣ того сенаторъ не долженъ получать никакого жалованья или вознагражденія. Другое постановленіе опредѣляетъ, что число сенаторовъ должно равняться половинѣ числа членовъ палаты депутатовъ (102 члена палаты, 51 сенаторъ). Это ограниченіе было прямымъ послѣдствіемъ того принципа, что сенатъ долженъ въ сущности представлять интересы аристократіи. Наконецъ сенаторы, какъ представители консервативныхъ началъ, имѣющіе цѣлью поддерживать неприкосновенными учрежденія

страны, должны быть избираемы на болѣе долгій срокъ, нежели члены палаты представителей: между-тѣмъ какъ послѣдніе избираются на четыре года, сенаторы избираются на восемь лѣтъ. Наконецъ король имѣетъ право распускать сенатъ и назначать новые выборы въ сенаторы.

Далѣе постановлено было, что министры могутъ принимать участіе въ преніяхъ и рѣшеніяхъ той или другой палаты только въ томъ случаѣ, если они будутъ членами ихъ; но что даже въ томъ случаѣ, если они не будутъ членами палатъ, они имѣютъ право присутствовать при засѣданіяхъ ихъ и требовать, чтобы ихъ выслушали. Дѣйствительно было бы несправедливо воспрепятствовать отвѣтственнымъ членамъ администраціи объяснять свои дѣйствія передъ тѣми, которые должны были ихъ контролировать. Но съ другой стороны палаты получили право требовать присутствія министровъ, потому что имъ для правильного сужденія о дѣлахъ необходимо узнать все подробности дѣла отъ людей, принимающихъ самое дѣятельное участіе въ администраціи. Палаты должны были ежегодно вотировать бюджетъ; эта обязанность ихъ предполагала уже правильное ежегодное созваніе ихъ. Но чтобы гарантировать ихъ отъ всякихъ случайностей, конгрессъ сдѣлалъ слѣдующее постановленіе: «Палаты должны собираться ежегодно во второй вторникъ ноября мѣсяца, если только по какимъ-нибудь уважительнымъ причинамъ онѣ не были созваны ранѣе этого срока главою государства. Ежегодныя засѣданія ихъ должны продолжаться по-крайней-мѣрѣ сорокъ дней». Главѣ государства предоставлено право объявлять сессіи парламента закрытыми; онъ можетъ созывать экстренныя засѣданія, если того потребуютъ обстоятельства; наконецъ ему же принадлежитъ право распускать палаты, или обѣ въ одно время, или каждую по отдельности. Въ случаѣ распушенія палатъ избиратели должны были приступать къ новымъ выборамъ не далѣе, какъ сорокъ дней спустя послѣ распушенія, а вновь избранныя па-

латы открыть засѣданія чрезъ два мѣсяца. Наконецъ, кромѣ права распускать палаты, главѣ государства предоставлено право отсрочивать ихъ засѣданія. Но такъ какъ это право, повидимому менѣе важное нежели право распушенія палатъ, могло однакоже подать поводъ къ большимъ злоупотребленіямъ власти (такъ какъ въ случаѣ распушенія нація могла посредствомъ новыхъ выборовъ высказать свое неодобреніе политикѣ короля, что не имѣло мѣста при простой отсрочкѣ засѣданій) то постановлено было, что отсрочка не могла продолжаться болѣе мѣсяца, и безъ согласія палатъ не могла повторяться дважды впродолженіе одной и той же сессіи. Кромѣ короля представителями исполнительной власти являются министры. Ихъ полагается только 6: внутреннихъ дѣлъ, иностранныхъ дѣлъ, финансовъ, юстиціи, военный и общественныхъ работъ. Предсѣдательство въ совѣтѣ министровъ принадлежитъ обыкновенно одному изъ этихъ министровъ. Выборъ министровъ предоставленъ королю; но конституція ограничила свободу этого выбора нѣкоторыми условіями: такъ—министромъ не можетъ быть ни иностранецъ, ни членъ королевскаго семейства. Причиною этого послѣдняго исключенія было то, что въ случаѣ если-бы министромъ былъ членъ королевскаго дома, пришлось бы подвергать его вмѣстѣ съ прочими министрами, законной отвѣтственности, или сдѣлать для него особое исключеніе: первое было бы неудобно, второе—неконституціонно.

Отвѣтственность министровъ была однимъ изъ самыхъ существенныхъ условій новой бельгійской конституціи. Конституція представляетъ особому специальному закону опредѣлять случаи отвѣтственности и примѣненіе различныхъ взысканій къ этимъ различнымъ случаямъ. Сверхъ того конституція постановляетъ, что ни въ какомъ случаѣ устное или письменное повелѣніе короля не можетъ освободить министра отъ отвѣтственности. Кромѣ того она опредѣляетъ съ тою же цѣлью, что глава государства не иначе мо-

жетъ помиловать министра, осужденнаго кассационнымъ судомъ, какъ по ходатайству одной изъ двухъ палатъ. Судъ надъ министромъ долженъ производиться въ соединенномъ собраніи палатъ кассационнаго суда, а право обвиненія предоставлена палатѣ представителей.

Опредѣливши способы составленія законовъ и приведенія ихъ въ дѣйствіе, конституція занимается устройствомъ на прочныхъ основаніяхъ той власти, которая имѣетъ назначеніемъ примѣнять эти законы къ разнымъ встрѣчающимся въ практикѣ случаямъ. Сдѣлавши нужныя постановленія касательно законодательной и исполнительной власти, конституція опредѣляетъ объемъ, обязанности и преимущества судебной власти, которая имѣетъ назначеніемъ наказывать преступленія и ограждать частные интересы черезъ примѣненія гражданскихъ и уголовныхъ законовъ. Конгрессъ понималъ, что нужно было отдѣлить судебную власть отъ власти административной, которая доселѣ имѣла постоянное преимущество надъ первой, возвести ее на степень конституціонной власти, и обезпечить ей полную независимость въ ея кругѣ дѣйствія. Поэтому конституція опредѣляетъ, что судебная власть принадлежитъ исключительно палатамъ и трибуналамъ, которые одни должны разрѣшать все гражданскіе споры и творить судъ надъ уголовными и политическими преступленіями. Оставаясь вѣрною этому основному принципу, бельгійская конституція не допускаетъ никакихъ чрезвычайныхъ комиссій или трибуналовъ. Судъ состоитъ изъ двухъ инстанцій—судъ первой инстанціи и судъ апелляціонный. Но такъ какъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ судья можетъ превысить свою власть, нарушить законъ или пренебречь какими-нибудь существенными формами юрисдикціи, то конгрессъ понималъ необходимость установить кромѣ того еще высшее судебное мѣсто, которое не должно было произносить своего сужденія о самомъ фактѣ, а только о томъ, было ли со стороны судьи нарушеніе законовъ или нѣтъ; въ

первомъ случаѣ оно уничтожало его рѣшеніе, но не произнося своего, отсылало дѣло къ другому трибуналу. Въ случаѣ новаго разногласія между судебною палатою и кассационнымъ судомъ на счетъ смысла закона, дѣло рѣшается властью законодательной. Понимая необходимость дать обществу сильную гарантію въ безпристрастности судей, конституція опредѣлила, что «засѣданія трибуналовъ должны быть публичными, кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ эта публичность можетъ быть предосудительною для порядка или для общественной нравственности; въ этомъ случаѣ судъ долженъ сдѣлать за-благовременное о томъ постановленіе.» Въ политическихъ преступленіяхъ и преступленіяхъ противъ печати судъ при закрытыхъ дверяхъ допускается только какъ исключеніе, и не иначе какъ по единогласному требованію судилища. Конституція опредѣляетъ также, что не только обсужденіе дѣла должно быть публично, но что и приговоръ суда долженъ быть мотивированъ и произнесенъ въ публичномъ засѣданіи.

Наполеоновскій кадектъ ознакомилъ бельгійцевъ съ судомъ присяжныхъ, и они съумѣли оцѣнить все достоинство и выгоды этого судилища. Конституція 1815 года отмѣнила это учрежденіе. Общественное мнѣніе было постоянно противъ этого отмѣненія, и послѣ низверженія стараго порядка вещей громко требовало возстановленія суда присяжныхъ. Конституціонная комиссія только отчасти исполнила это требованіе: она предполагала учредить судъ присяжныхъ только для политическихъ преступленій и преступленій противъ печатнаго слова; въ прочихъ уголовныхъ дѣлахъ и въ дѣлахъ гражданскихъ она предполагала оставить обыкновенное судопроизводство. Но въ конгрессѣ раздались многіе голоса, возставшіе противъ этого предложенія; доказывали, что если дѣйствительно трудно ввести судъ присяжныхъ для рѣшенія дѣлъ гражданскихъ, то онъ совершенно необходимъ во всехъ безъ исключенія дѣлахъ уголовныхъ; что если предоставляютъ суду присяж-

ныхъ судить о проступкахъ противъ печати, часто влекущихъ за собою только незначительныя наказанія, то было бы въ высшей степени непослѣдовательно и несправедливо отказывать въ немъ тѣмъ обвиненнымъ, для которыхъ дѣло идетъ о жизни и смерти. Послѣ многихъ краснорѣчивыхъ рѣчей по этому поводу, конгрессъ рѣшилъ этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: «Судъ присяжныхъ устанавливается для всякаго рода уголовныхъ дѣлъ, равно и какъ для преступлений политическихъ и для проступковъ и преступлений противъ печати.» Относительно вопроса о томъ, кто можетъ быть присяжнымъ, постановлено было слѣдующее: присяжные выбираются во 1-хъ между тѣми гражданами, которые платятъ избирательный цензъ, назначенный для извѣстной мѣстности или города; 2-е между тѣми чиновниками, которые служатъ обществу безвозмездно; 3-е между докторами и лиценціатами правъ, медицины, хирургіи, литературы; 4-е между нотаріусами и адвокатами; 5-е между отставными, получающими пенсію сухопутными и морскими офицерами».

Конституціонная коммиссія предложила въ своемъ проэктѣ предоставить главѣ государства назначеніе мировыхъ судей и судей первой инстанціи. Нѣкоторые члены конгресса доказывали, что для того чтобы имѣть хорошую юрисдикцію, необходимо предоставить самому народу право избирать для себя мировыхъ судей и судей первой инстанціи; говорили, что народъ самъ сумѣетъ сдѣлать хорошій выборъ и не выберетъ въ суды людей недостойныхъ. Но большинство конгресса полагая, что верховная власть скорѣе сумѣетъ отыскать и оцѣнить людей способныхъ, нежели малообразованные низшіе классы народа, отвергло требованіе нѣкоторыхъ своихъ членовъ и пристало къ мнѣнію конституціонной коммисіи. Такимъ образомъ на счетъ назначенія судей постановлено было слѣдующее: «глава государства непосредственно, безъ всякаго о томъ представленія, назначаетъ мировыхъ судей и членовъ судовъ первой ин-

станціи. Что же касается до судовъ высшей инстанціи, то областныя совѣты и апелляціонныя суды дѣлаютъ королю представленіе о назначеніи членовъ этихъ судовъ, равно какъ президентовъ и вице-президентовъ судовъ первой инстанціи; что же касается до назначенія членовъ верховнаго судилища, то представленіе объ этомъ дѣлаетъ сенатъ и кассационный судъ».

Но если конгрессъ въ вопросѣ о назначеніи судей сдѣлалъ уступку, то онъ понялъ однакоже необходимость чѣмъ нибудь гарантировать независимость судей, безъ чего немыслимо хорошее судопроизводство. Несмѣняемость судей показалаь ему лучшей гарантіей и поэтому онъ положилъ ее въ основаніе новаго общественнаго права. Объ этомъ предметѣ мы находимъ въ конституціи слѣдующее постановленіе: «Судьи всѣхъ инстанцій, какъ высшихъ такъ и низшихъ, пользуются правомъ несмѣняемости». Далѣе конституція заключаетъ еще слѣдующую статью: «Всѣ рѣшенія трибуналовъ должны имѣть единственнымъ основаніемъ законъ; суды могутъ сообразоваться съ областными и мѣстными постановленіями только по столько, по сколько они согласны съ общими законами».

Въ заключеніе замѣтимъ здѣсь, что бельгійская конституція требуетъ измѣненія уголовнаго кодекса въ смыслѣ смягченія наказаній за уголовныя преступленія; такъ по новому уголовному кодексу совершенно отмѣняется употребленіе клейма и желѣзнаго ошейника; смертная казнь устанавливается только для немногихъ случаевъ *).

*) Замѣчательныя благотворныя результаты этой реформы: число уголовныхъ преступленій сейчасъ же уменьшилось на 40% сравнительно съ прежними годами; когда же въ 1835 году попытались опять ввести смертную казнь для большаго числа случаевъ, то число преступленій тотчасъ же замѣтно возрасло.

V.

Въ бельгійской конституціи интересы провинцій и общины не принесены въ жертву интересамъ цѣлаго государства. Конгрессъ понялъ, что законодательство не можетъ входить во все мелочи областныхъ и общинныхъ потребностей; съ другой стороны онъ сознавалъ, что было бы опасно поручить ихъ исключительной заботливости исполнительной власти и ея агентовъ. Поэтому онъ призналъ необходимымъ допустить полное и постоянное участіе провинцій и общины въ завѣдываніи собственными дѣлами, и предоставить рѣшеніе этихъ дѣлъ такимъ лицамъ, которыя по близкому знакомству своему съ извѣстною мѣстностью, могли бы лучше понимать мѣстные интересы, нежели представители центральной власти. Согласно съ этимъ конституція постановляетъ, что «дѣла, касающіяся исключительно области или общины, будутъ рѣшаться областными и общинными совѣтами.» Далѣе она содержитъ въ себѣ нѣкоторыя существенныя постановленія касательно организаціи мѣстнаго управленія. Во первыхъ рѣшено было, что члены общинныхъ и областныхъ совѣтовъ и вообще все должностныя лица, завѣдывающія дѣлами провинцій или общины, замѣщаются посредствомъ прямыхъ выборовъ, безъ участія исполнительной власти. Исключеніе сдѣлано было только относительно губернаторовъ провинцій и правительственныхъ комиссаровъ при областныхъ совѣтахъ. Эти лица должны были служить представителями интересовъ государства въ провинціяхъ и общинахъ; не касаясь дѣлъ, относящихся исключительно до интересовъ извѣстной мѣстности, они должны были слѣдить за тѣмъ, чтобы ничего не дѣлалось ко вреду общихъ интересовъ, интересовъ государства и общества. Поэтому они конечно не могли подлежать народному избранію, а должны были находиться въ прямой зависимости отъ исполнительной власти. Итакъ бельгійская конституція устанавливаетъ слѣдующа-

го рода организацію мѣстнаго управленія: Вся страна раздѣляется на провинціи, которыми управляютъ губернаторы, назначаемые министромъ и утверждаемые королемъ; но для завѣдыванія мѣстными интересами въ каждой провинціи находится областной совѣтъ, члены котораго избираются провинціей посредствомъ прямыхъ выборовъ. Города управляются бургомистрами, а сельскія общины — сельскими мерами (старшинами); тѣ и другіе избираются общинами. Кромѣ того при первыхъ находятся муниципальный совѣтъ, а при послѣднихъ совѣтъ общинный, которые служатъ ближайшими представителями мѣстныхъ интересовъ. Въ областныхъ и муниципальных совѣтахъ засѣдаютъ комиссары отъ правительства, назначаемые министромъ внутреннихъ дѣлъ. Конституція опредѣляетъ также нѣкоторыя подробности относительно мѣстнаго управленія. Такъ она вопреки мнѣнію конституціонной комиссіи постановила, что засѣданія областныхъ и общинныхъ совѣтовъ должны быть публичныя. Впрочемъ и здѣсь мы встрѣчаемъ ту же оговорку, которая была сдѣлана и относительно публичности засѣданій палатъ; именно, что исключенія изъ этого общаго правила допускаются въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ публичность могла бы повредить успѣшному ходу дѣлъ. Далѣе конституція постановляетъ, что бюджетъ и отчеты провинцій и общинъ должны быть всегда публикуемы во всехъ подробностяхъ. Наконецъ она ввѣряетъ общинамъ завѣдываніе метрическими списками, книгами для вписыванія брачныхъ договоровъ, и прочими подобными списками и отчетами, которые прежде находились въ завѣдываніи приходскихъ священниковъ.

Конгрессъ понялъ необходимость точнаго опредѣленія законовъ о налогахъ. Поэтому конституція заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи. «Никакой налогъ въ пользу государства не можетъ быть введенъ иначе, какъ въ силу закона, исходящаго отъ палаты представителей; ни-

какая повинность или подать въ пользу провинціи не можетъ быть учреждена иначе, какъ съ согласія провинціального совѣта; никакая повинность или подать въ пользу общины не можетъ быть учреждена безъ согласія общиннаго совѣта. Въ этихъ двухъ послѣднихъ случаяхъ центральная законодательная власть не должна имѣть никакого вліянія. Затѣмъ конституція содержитъ въ себѣ такія мѣры, въ которыхъ конгрессъ видѣлъ лучшее средство удержать исполнительную власть въ предѣлахъ, дарованныхъ ей конституціей. Эти важныя мѣры состояли въ томъ, что законодательная власть должна опредѣлять ежегодно налоги, которые слѣдуетъ взимать въ слѣдующемъ году; палаты ежегодно вотируютъ бюджетъ, и издають законы объ отчетности расходовуемыхъ суммъ. Принципъ равноправности всѣхъ передъ закономъ былъ освященъ постановленіемъ конституціи, которое возлагаетъ обязанность платить подати на всѣхъ гражданъ и не допускаетъ въ этомъ отношеніи никакихъ привилегій. Учреждена была счетная палата, которая должна наблюдать за правильнымъ расходованіемъ суммъ, предоставленныхъ въ распоряженіе исполнительной власти. Конституція возлагаетъ на нее обязанность разсматривать и ликвидировать счета общей администраціи и всѣ требованія, предъявляемыя на государственное казначейство. Она должна наблюдать за тѣмъ, чтобы не было никакихъ передержекъ противъ бюджета, и никакихъ передачъ суммъ изъ одного вѣдомства въ другое; она повѣряетъ счета разныхъ вѣдомствъ администраціи, собирая для этого нужныя росписки и квитанціи. Наконецъ конституція опредѣляетъ, что общій отчетъ о государственныхъ расходахъ представляется на разсмотрѣніе парламента вмѣстѣ съ замѣчаніями счетной палаты. Для того чтобы увеличить гарантіи, которыя истекаютъ изъ учрежденія этой контрольной палаты, конституція постановила, что члены ея должны быть назначаемы палатою депутатовъ.

Конгрессъ, построивши зданіе народной независимости, считалъ необходимымъ принять нужныя мѣры для защиты этого зданія отъ опасностей, которыя могутъ грозить ему со стороны враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Съ этою цѣлью конституція опредѣляетъ, что Бельгія должна имѣть національную армію, которая должна состояться и пополняться посредствомъ конскрипціи, отъ которой ни кто не освобождается. Въ мирное время армія состоитъ только изъ 30,000 человѣкъ; въ военное она имѣетъ 80,000 человѣкъ; а въ минуты опасности (напр. въ 1832-мъ и 1833-мъ годахъ) число этого можетъ достигнуть 120,000. Эта армія состоитъ изъ четырехъ дивизій пѣхоты, двухъ дивизій кавалеріи, 44 батарей артилеріи (по 8 орудій въ каждой), полка саперовъ и полка жандармовъ. Правила о военной дисциплинѣ, равно какъ и почти все военное судоустройство въ Бельгіи заимствованы у Франціи. Кромѣ обыкновенныхъ военныхъ судовъ, въ Бельгіи существуетъ еще верховный военный судъ, въ который вносятся на аппеляцію рѣшенія военныхъ судовъ первой инстанціи. Но какъ въ военныхъ судахъ низшей инстанціи, такъ и въ верховномъ военномъ судѣ, могутъ разсматриваться исключительно только преступленія противъ военныхъ законовъ и постановленій;—конституція строжайшимъ образомъ запрещаетъ расширять кругъ ихъ юрисдикціи. Затѣмъ она дѣлаетъ важное постановленіе о томъ, что законодательныя палаты должны ежегодно опредѣлять контингентъ арміи; это дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы имѣть увѣренность въ томъ, что контингентъ будетъ соразмѣренъ съ потребностями и средствами страны. Конгрессъ не хотѣлъ допустить, чтобы исполнительная власть имѣла возможность поручить защиту государства или какой-нибудь области его иноземнымъ солдатамъ; поэтому конституція постановляетъ, что никакое иноземное войско не можетъ поступить на службу государства, ни занять его территоріи, ни даже пройти черезъ его владѣнія иначе какъ съ разрѣшенія

палатъ. Наконецъ она заключаетъ въ себѣ статью, по которой ни одинъ военный, будь онъ офицеръ или нижній чинъ, не можетъ быть лишенъ чиновъ, знаковъ отличія и пенсій иначе, какъ въ случаяхъ, указанныхъ закономъ и въ силу рѣшенія суда.

Создавши правильную, постоянную армію для защиты страны отъ враговъ внѣшнихъ, конгрессъ созналъ необходимость создать еще и такую силу, которая вмѣстѣ съ этимъ назначеніемъ соединяла бы и другое—защиту національныхъ учреждений и законовъ противъ посягновенія внутреннихъ враговъ его: съ этою цѣлью конституція узаконяетъ, что вмѣстѣ съ правильнымъ войскомъ въ Бельгіи существуетъ постоянная національная гвардія. Но эта гвардія не можетъ быть мобилизована иначе, какъ въ силу постановленія законодательной власти. Другая статья конституціи предоставляетъ національнымъ гвардейцамъ право самимъ выбирать своихъ начальниковъ до капитанскаго чина включительно.

Статьи бельгійской конституціи, касающіяся положенія иностранцевъ въ Бельгіи, не отличаются тѣмъ духомъ, который характеризуетъ большую часть постановленій этой конституціи. Но это явленіе объясняется очень просто историческимъ путемъ. Впродолженіе столѣтій Бельгія находилась подъ властію чужеземныхъ правительствъ, которыя въ бельгійскихъ провинціяхъ оказывали постоянное предпочтеніе своимъ соотечественникамъ передъ природными бельгійцами. Такимъ образомъ эти послѣдніе должны были постоянно видѣть, что въ ихъ родинѣ господствовали, занимали лучшія мѣста, распоряжались всеми дѣлами не они—туземцы, а испанцы, австрійцы, французы, голландцы. Поэтому когда въ 1830 году свернуто было иноземное иго, понятнымъ образомъ должна была произойти реакція противъ прежняго порядка вещей, и эта реакція нашла многихъ ревностныхъ представителей въ конгрессѣ. Такъ нѣкоторые изъ членовъ его хотѣли включить въ кон-

ституцію статью, по которой одни бельгійцы могли имѣть въ Бельгіи доступъ къ общественнымъ должностямъ гражданскимъ и военнымъ, и которая не дозволяла бы закону дѣлать какія бы то ни было исключенія. Хотя это требованіе безусловнаго исключенія иностранцевъ отъ общественной службы было отвергнуто; однако конгрессъ счелъ нужнымъ сдѣлать въ этомъ отношеніи важныя ограниченія. Конституція опредѣляетъ, что «одни бельгійцы имѣютъ право доступа къ общественнымъ должностямъ; исключенія въ пользу иностранцевъ могутъ быть сдѣланы не иначе, какъ съ согласія законодательной власти и въ особенныхъ только случаяхъ». Но затрудняя такимъ образомъ иностранцамъ доступъ къ общественнымъ должностямъ, бельгійская конституція не хотѣла отказать имъ въ гостепримствѣ; поэтому она постановляетъ, что «всякій иностранецъ, находящійся на бельгійской территоріи, пользуется покровительствомъ, которое бельгійскіе законы оказываютъ особамъ и имуществу, если только не нарушаетъ общественнаго порядка и спокойствія». Такимъ образомъ иностранецъ поставленъ подъ непосредственное покровительство закона; одной законодательной власти принадлежало право дѣлать исключеніе изъ этого правила; никакая другая власть не могла принимать исключительныхъ мѣръ относительно иностранцевъ.

Между послѣдними статьями бельгійской конституціи мы находимъ нѣкоторыя статьи второстепенной важности, которыя опредѣляютъ напр., что Брюссель долженъ быть столицею государства, что національные цвѣта Бельгіи должны быть: красный, желтый и черный, и что гербъ Бельгіи долженъ представлять изображеніе бельгійскаго льва съ надписью: *L'union fait la force* (союзъ творитъ силу).

Наконецъ самими послѣдними статьями бельгійской конституціи устанавливаются важныя правила о томъ, какъ должны производиться измѣненія въ конституціи и какъ еще болѣе упрочить ея цѣлость и ненарушимость. Какъ бы совер-

шенна ни была конституція, однако измѣненія въ социальныхъ отношеніяхъ людей и развитіе человѣческаго общества — могутъ современемъ потребовать болѣе или менѣе значительныхъ измѣненій въ конституціи. Но такъ какъ основной законъ страны, по самому существу своему, считается неизмѣннымъ, то бельгійскій конгрессъ счелъ необходимымъ соединить всякое измѣненіе конституціи съ такою торжественностью и съ такими предосторожностями, которыя не нужны и не употребительны при изданіи обыкновенныхъ актовъ. Поэтому конституція постановляетъ, что только законодательная власть имѣетъ право объявить такую-то статью конституціи требующею пересмотра; затѣмъ непременно должны быть распущены обѣ палаты и произведены новые выборы, съ тѣмъ чтобы нація имѣла полную возможность выразить свои желанія касательно предполагаемой перемѣны. Эти то новыя палаты опредѣляютъ вмѣстѣ съ королемъ, въ чемъ должны состоять измѣненія, вносимыя въ конституцію. Но палаты могутъ разсуждать объ этихъ измѣненіяхъ не иначе, какъ если налицо находятся по крайней мѣрѣ двѣ трети ихъ членовъ; и рѣшенія въ этихъ случаяхъ должны приниматься не простымъ большинствомъ голосовъ, а большинствомъ двухъ третей. Мало того: конгрессъ полагалъ, что чѣмъ болѣе онъ будетъ консервативнымъ въ подобномъ дѣлѣ, тѣмъ будетъ лучше; поэтому онъ опредѣлилъ еще въ добавочной статьѣ: непременно обѣ палаты должны требовать извѣстнаго измѣненія въ конституціи; если же одна изъ нихъ основательно докажетъ, что измѣненія не нужно, то конституція остается въ прежнемъ своемъ видѣ.

Далѣе въ конституцію включена была статья, которая должна была служить новой гарантіей для ея цѣлости: постановлено было, что ни цѣлая конституція, ни какая либо часть ея не можетъ быть уничтожена одною исполнительною властью; эта послѣдняя не имѣетъ также права отсрочивать или вре-

менно прекращать исполненіе какой либо статьи конституціи. Въ заключеніе сдѣланы были постановленія касательно присяги на конституцію. Всякій членъ палаты представителей или сената долженъ непременно, передъ вступленіемъ въ должность, принести въ присутствіи палаты слѣдующую присягу: *«Я клянусь соблюдать конституцію»*. Равнымъ образомъ всѣ чиновники администраціи и судебной власти, всѣ офицеры національной гвардіи и войска, вообще всякій гражданинъ, вступающій въ какую-нибудь общественную должность, обязанъ принести передъ вступленіемъ въ должность присягу слѣдующаго содержанія: *«Я клянусь быть вѣрнымъ королю, послушнымъ конституціи и законамъ бельгійскаго народа»*. Вмѣстѣ съ тѣмъ конгрессъ постановилъ, что слѣдуетъ считать отставленнымъ отъ службы всѣхъ служащихъ въ то время чиновниковъ, которые откажутся принести эту присягу.

Вотъ конституція Бельгіи въ томъ видѣ, въ которомъ ее единогласно утвердилъ бельгійскій конгрессъ 7-го февраля 1831 года, и въ которомъ она почти неизмѣнно пребываетъ до нашихъ дней. Въ то время она пугала даже нѣкоторыхъ истинныхъ друзей народа, которые считали ее первымъ шагомъ на пути къ анархіи. Но тѣ которые такъ разсуждали, были весьма близоруки и имѣли мало политической опытности. Анархіи, которой такъ опасались многіе трусливые умы, не было и слѣда; напротивъ, среди глубокаго внѣшняго спокойствія, Бельгія быстро развилась, окрѣпла и разбогатѣла подъ сѣнію своей конституціи. Когда наступили бури 1848 года, которыя потрясли весь западно-европейскій материкъ, Бельгія, защищенная отъ этихъ бурь своими учрежденіями осталась совершенно спокойною, и бури пронеслись надъ нею, не коснувшись ея, не поваливши ни одного изъ столповъ, на которые опиралось зданіе, бельгійскаго государства. Если конгрессъ 1830 года и опередилъ свой вѣкъ, и призналъ нѣкоторые принципы, до которыхъ еще дошла остальная

Европа, то онъ черезъ это застраховалъ свое отечество отъ будущихъ случайностей, и придалъ болѣе прочности своему труду.

Впродолженіи тридцати лѣтъ, прошедшихъ со времени составленія бельгійской конституціи, существенныхъ, важныхъ переменъ въ ней не сдѣлано никакихъ, а изданы только нѣкоторыя неважныя измѣненія и дополненія къ тому, что было создано конгрессомъ. Замѣтимъ здѣсь только, что католическая партія къ сожалѣнію измѣнила тому либеральному направленію, которое характеризовало ея дѣятельность въ эпоху революціи и созданія конституціи. Начиная съ конца 30-хъ годовъ она стала дѣйствовать въ духѣ ультрамонтанства, и постоянно направляетъ все свои усилія къ тому, чтобы передѣлать конституцію Бельгіи по своему, и получить господство во всей странѣ. Но къ счастью доселѣ все ея попытки оставались тщетными: либеральная партія, истинная представительница народныхъ стремленій и желаній, съ успѣхомъ противодѣйствовала ея попыткамъ и отстаивала, въ палатахъ и въ печати, учрежденія своей страны противъ всякихъ ультрамонтанскихъ происковъ. Такимъ образомъ вопреки стремленіямъ теперешней католической партіи Бельгіи, эта страна остается одною изъ самыхъ хорошо управляемыхъ странъ въ Европѣ.

ИТАЛІЯНСКАЯ КОНСТИТУЦІЯ.

I.

Съ самаго начала своего историческаго существованія до 1860 года, Италія не имѣла одного общаго государственнаго устройства, точно также какъ она почти не имѣла единства. Даже въ то время когда римское владычество распространилось на всю Италію, нельзя сказать, чтобы устройство различныхъ частей ея было одинаковое; нивелирующее вліяніе Рима не сгладило всехъ особенностей въ управленіи различныхъ провинцій и городовъ ея. Уже ко времени владычества Рима относится сильное развитіе муниципальной жизни въ Италіи, ко вреду сельскихъ общинъ. Когда вслѣдъ за тѣмъ втеченіи многихъ вѣковъ Италія переходила, въ цѣломъ составѣ и по частямъ, изъ рукъ въ руки, государственное устройство ея должно было точно также часто мѣняться, какъ часто мѣнялись въ ней властители ея. Остготы, византийцы, лонгобарды, франки, германцы, испанцы, владѣя въ различное время большею или меньшею частью Италіи, должны были положить на учрежденія ея свою печать, и оставить на нихъ нѣкоторые слѣды своего вліянія. Но среди всехъ этихъ чужеземныхъ и разнородныхъ элементовъ, въ Италіи развились и окрѣпли преимущественно муниципальныя и провинціальныя особенности и учрежденія. Къ средне-

вѣковой Италіи можно было совершенно безошибочно положить извѣстное выраженіе: «что городъ—то норовъ, что край—то обычай.» Нѣкоторые изъ итальянскихъ городовъ и маленькихъ республикъ имѣли весьма хорошія учрежденія, такъ напр. Миланъ, Кремона и другіе города сѣверной Италіи, послѣ того какъ имъ удалось свергнуть иго германскихъ императоровъ; но въ другихъ городахъ и провинціяхъ, особенно въ средней Италіи, вмѣсто всякаго права, вмѣсто всякихъ правильныхъ учреждений, царило совершенное безправіе, господствовала одна только личная воля мелкихъ тиранновъ и угнетателей народа. Что же касается до южной Италіи, то она втеченіи вѣхъ среднихъ вѣковъ находилась постоянно подъ властью византійцевъ, сарацинъ, норманновъ, германцевъ, французовъ, кастильцевъ, и поэтому въ ней попеременно дѣйствовали учрежденія себѣхъ этихъ народовъ. Къ началу такъ называемой новой исторіи, т. е. въ XVI столѣтіи, большая часть Италіи соединяется подъ непосредственнымъ или косвеннымъ владычествомъ Испаніи. Но это кажущееся объединеніе ея не произвело особенныхъ перемѣнъ во внутреннихъ учрежденіяхъ страны, а если и произвело какія перемѣны, то онѣ клонились скорѣе къ худшему, нежели къ лучшему. Испанія не имѣла обыкновенія насильственно опрокидывать правъ и вольностей городовъ и преимущественно дворянства; но она подкапывалась подъ нихъ и старалась довести дѣло до того, чтобы они падали сами собою, или чтобы оставаясь видимому неприкосновенными, они потеряли бы всякую существовавшую силу. Такъ испанцы поступали напр. въ Миланѣ; они не наложили руки ни на одно изъ республиканскихъ учреждений этого города, а между тѣмъ къ XVIII столѣтію почти всѣ эти учрежденія исчезли сами собою, вслѣдствіе предательской, іезуитской политики испанскихъ правителей. Въ устройствѣ Италіи до конца XVIII столѣтія особенно замѣчательна значительная численность городского населенія

сравнительно съ сельскимъ, платящимъ подати; равнымъ образомъ и то, что дворянство причислялось къ городскому населенію, и гораздо менѣе угнетало горожанъ, нежели напр. во Франціи и Германіи въ дореволюціонную эпоху. А если оно и пользовалось какими-либо особенными феодальными правами, то эти права были уничтожены при завоеваніи большей части Италіи французами (въ концѣ XVIII столѣтія) и при учрежденіи разныхъ итальянскихъ республикъ. Италія во время французскаго владычества ознакомилась съ судомъ присяжныхъ, съ болѣе правильнымъ взиманіемъ податей (впрочемъ довольно значительныхъ), съ наполеоновымъ кодексомъ и проч. Эти неполныя улучшенія въ учрежденіяхъ Италіи были совершенно отмѣнены и исчезли безслѣдно послѣ паденія Наполеона, вслѣдствіе мѣръ и учреждений реставрированныхъ династій. Такой порядокъ дѣлъ продолжался до 1859 и 1860 годовъ, когда вмѣстѣ съ освобожденіемъ и объединеніемъ своимъ Италія (конечно за исключеніемъ Венеціи и Рима) получила правильное, конституціонное устройство. Тогда на всю Италію распространилась піемонтская конституція, существовавшая уже лѣтъ одинадцать или двѣнадцать, и изъ конституціи піемонтской сдѣлалась италіанской конституціей. Поэтому, приступая къ разсмотрѣнію италіанской конституціи, мы должны будемъ заняться изложеніемъ сардинскаго статута, изданнаго въ 1848 году; къ этому мы должны будемъ присовокупить разсмотрѣніе нѣкоторыхъ важныхъ законодательныхъ мѣръ, которыми статутъ этотъ былъ дополненъ впоследствии, и въ особенности послѣ распространенія его на все италіанское королевство. Но прежде нежели приступить къ изложенію самаго статута, считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о піемонтскихъ учрежденіяхъ до 1848 года *).

*) *Reuchlin*—Geschichte Italiens — 2 Theile, *Albert Blanc*—De la monarchie représentative en Italie (Revue des deux Mondes, 1859). *Скарятинъ*—Италіанская конституція (Рус. Вѣстн. 1861 г.); *Annuaire des deux mondes*, vol 1—XI (1850—1861).

Послѣ покоренія сѣверо-западной части Италіи лонгобардами населеніе ея, какъ и въ бѣльшей части остальной Италіи, приняло преимущественно муниципальный характеръ; но здѣсь республиканскія формы и муниципальныя учрежденія не могли получить такого развитія, какъ въ другихъ частяхъ Италіи, потому что съ раннихъ поръ эта часть Италіи была покорена герцогами савойскими, и получила монархическія формы правленія, которыя не ослабѣвали, какъ напр. въ Ломбардіи, а напротивъ—все болѣе укрѣплялись и усиливались. Впрочемъ мы видимъ въ средневѣковой исторіи Пиемонта (или вѣрнѣе Савойи) нѣкоторыя зачатки конституціонныхъ учрежденій: такъ напр. при герцогѣ Амедеѣ VIII (въ началѣ XV столѣтія) происходили правильныя собранія представителей трехъ сословій—духовенства, дворянства и горожанъ,—при помощи которыхъ онъ издалъ общій для всѣхъ своихъ владѣній судебникъ, обуздалъ своеволие дворянства и распредѣлилъ палогі. Наслѣдники его сѣумѣли встать въ довольно независимыя отношенія къ папѣ: ни одинъ иностранецъ не могъ получить духовной должности въ странѣ, и назначеніе духовныхъ лицъ было предоставлено герцогу. Замѣтимъ здѣсь также то, что и народъ и правительство въ Савойѣ и Пиемонтѣ отличались чрезвычайно рѣдкою въ то время терпимостью: достаточно упомянуть о томъ, что вальденсы, которыхъ вездѣ преслѣдовали и жгли какъ еретиковъ, нашли безопасное убѣжище въ долинахъ сѣвернаго Пиемонта, гдѣ до послѣдняго времени существовали общины, происходящія отъ вальденсовъ и не признающія папы. Герцогъ Эммануилъ-Филибертъ во 2-й половинѣ XVI столѣтія сдѣлалъ нѣкоторыя важныя внутреннія преобразованія въ странѣ, которыя впрочемъ не всѣ клонились къ лучшему. Такъ при немъ прекратились представительныя собранія трехъ сословій, онъ первый установилъ постоянную армію (при его предшественникахъ существовалъ родъ народнаго ополченія, которое въ случаѣ войны обязано было защищать страну

вмѣстѣ съ войскомъ изъ дворянъ); но за то онъ установилъ между своими подданными нѣкотораго рода равенство передъ закономъ, и распространилъ на всѣхъ обязанность платить подати. Въ половинѣ XVIII вѣка одинъ изъ преемниковъ его, Карль-Эммануилъ III отмѣнилъ нѣкоторыя феодальныя преимущества дворянъ и уничтожилъ послѣдніе слѣды крѣпостнаго права. Но вообще пиемонтскіе герцоги втеченіи всего XVII и частью XVIII столѣтія обращали свое вниманіе преимущественно на внѣшнюю политику, старались объ увеличеніи своихъ владѣній, лавировали между двухъ могущественныхъ сосѣдей—Франціи и Австріи, расточали финансы страны на содержаніе арміи. При этомъ политическія учрежденія страны понятнымъ образомъ не могли успѣшно развиваться, да нація какъ-то и не умѣла за нихъ держаться, такъ что къ концу XVIII столѣтія Пиемонтъ не только не подвинулся впередъ въ развитіи своихъ политическихъ учрежденій сравнительно съ XV и XVI столѣтіемъ, но скорѣе отошелъ назадъ; сословія утратили въ немъ всякое политическое значеніе, социальное неравенство сдѣлалось гораздо значительнѣе, чѣмъ прежде, именно—въ отношеніяхъ дворянства къ горожанамъ; законодательство было совершенно произвольное и нисколько не систематическое: вотъ въ какомъ видѣ застала Пиемонтъ французская революція 1789 года. Очень понятно, что при видѣ сосѣднихъ областей и народовъ, приобретающихъ республиканскую свободу, и населеніе Пиемонта не могло остаться спокойнымъ; республиканскія наклонности до того усилились въ немъ, что въ 1798 году король Карль-Эммануилъ IV отказался отъ своихъ владѣній на материкѣ и удалился на островъ Сардинію. Пиемонтъ былъ присоединенъ къ Франціи и въ немъ, какъ почти во всей остальной Италіи, стали вводиться французскія учрежденія конца XVIII и начала XIX столѣтія, со всѣми ихъ хорошими и дурными сторонами. Но это продолжалось недолго; съ паденіемъ Наполеона I и съ реставраціей савойской ди-

насти, въ политическихъ учрежденіяхъ Пиемонта, произошелъ опять крутой переворотъ — самый радикальный поворотъ назадъ, къ старымъ формамъ правленія. Король Викторъ-Эммануилъ I объявилъ при возвращеніи своемъ съ острова Сардиніи, что онъ смотритъ на все случившееся съ 1798 года какъ на сонъ (дѣйствительно онъ съ своимъ дворомъ проспалъ это время въ Кальяри), и что поэтому онъ будетъ считать все случившееся въ эти шестнадцать лѣтъ не имѣющимъ силы, какъ будто *неслучившимся*. Первыми его мѣрами было отмѣненіе конскрипціи и пошлинъ съ наслѣдства; народъ ожидалъ дѣйствительнаго улучшенія въ своей участи и радовался: но вышеназванными двумя мѣрами ограничились благодѣянія реставрированнаго правительства, и уже 24 часа спустя по возвращеніи короля въ Туринъ начались самыя сильныя реакціонныя мѣры (даже во Франціи при реставрированныхъ Бурбонахъ не было ничего подобнаго). Король объявилъ, что съ этого дня (21-го мая 1814 года) все французскіе законы считаются уничтоженными, и что законы 1770 года вступаютъ въ дѣйствіе и получаютъ даже обратную силу. Такимъ образомъ, восстановлены были законы о первородствѣ, о дворянскихъ монополіяхъ, о неотчуждаемости имущества; восстановлены были особенные суды для привилегированныхъ сословій, строгіе законы противъ не католиковъ (замѣнившіе въ XVIII столѣтіи прежніе законы, полныя терпимости); все служащія получили опять чины, которые они занимали въ 1798 году; судебныя рѣшенія, относящіяся къ періоду времени отъ 1798 по 1814 годъ, признаны были не дѣйствительными. Отъ наполеоновской системы сохранены были только немногія нововведенія, а именно: — возвышенные налоги, французское устройство полиціи, а также отчасти французская централизація. Но особенно замѣчательны изданныя въ это время постановленія относительно покушниковъ государственныхъ и церковныхъ

имущества (которыя были проданы послѣ 1798 года года частнымъ лицамъ, и изъ которыхъ многія перешли уже въ третія руки). Изданъ былъ законъ, по которому все эти имущества отнимались у настоящихъ ихъ владѣтелей и дѣлались собственностью короля, который уже раздавалъ ихъ кому заблагоразсудится: большею частью оставшимся ему вѣрными дворянамъ. Эти же дворяне добились отъ короля довольно странной привилегіи: они получали отъ него такъ называемыя *brevetti regii*, родъ освободительныхъ грамотъ, которыя гарантировали ихъ противъ преслѣдованій ихъ кредиторовъ. Монастырямъ возвращены были все ихъ зданія и значительная часть ихъ имущества, а также сдѣланы были значительныя вспомошествованія изъ государственной казны; восстановлены были особенные (епископальныя) суды для духовенства въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ; изданы были постановленія, по которымъ почти все народное образованіе отдавалось въ руки духовенства, и именно иезуитовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ учреждена была правильная система шпионства и доносовъ и самая строгая цензура для книгъ и для газетъ. Въ такомъ положеніи дѣла оставались во все время царствованія Виктора-Эммануила I. Но когда въ 1821 году, вслѣдствіе народнаго возстанія, Викторъ Эммануилъ I долженъ былъ отказаться отъ престола, тогда въ Пиемонтѣ провозглашена была испанская конституція 1812 года, на которую присягнулъ тогдашній регентъ, принцъ Карлъ Альбертъ. Эта конституція существовала только 4 недѣли (съ 12-го марта до 8-го апрѣля) т. е. до тѣхъ поръ, пока такъ называемая, александрийская революція не была подавлена австрійскими войсками. Тогда при королѣ Карлѣ-Феликсѣ (братъ Виктора-Эммануила I) восстановлены были во всей силѣ прежде существовавшія учрежденія. Со вступленіемъ на престолъ Карла-Альберта (1831) произведены были нѣкоторыя частныя (впрочемъ довольно важныя) реформы въ законодательствѣ страны. Еще въ маѣ 1831 года были изданы

нѣкоторые эдикты, которые очень хорошо характеризуютъ строгость законовъ, существовавшихъ досель. Такъ напр. отмѣнена была смертная казнь за простое воровство, совершенно уничтожена была смертная казнь посредствомъ колесованія и сожиганія; равнымъ образомъ отмѣненъ былъ законъ о конфискаціи всего имѣнія у казеннаго. Но въ общемъ—система управленія осталась та же. Въ августѣ мѣсяцѣ 1832 года былъ изданъ эдиктъ, въ которомъ сказано было, что: «принципы старинной монархіи, съ пользою существовавшіе такъ долгое время, должны и на будущее время служить основаніемъ государственнаго устройства страны.» Но тотъ же эдиктъ объявлялъ объ учрежденіи государственнаго совѣта, въ которомъ должны были засѣдать свѣдущіе люди по разнымъ отраслямъ управленія, въ томъ числѣ и епископы; совѣтъ этотъ долженъ былъ обсуждать предлагаемые правительствомъ законодательные проэкты и финансовыя мѣры, но не выходитъ изъ чисто-совѣщательнаго характера; въ эдиктѣ сказано было, что это учрежденіе имѣетъ цѣлью «дать правительству возможность пользоваться совѣтами опытныхъ и образованныхъ людей.» Но внѣшнія сношенія, войско и флотъ остаются въ непосредственномъ завѣдываніи министровъ, и они отдають въ нихъ отчетъ одному только королю. Католическая религія объявлена была единственной государственной религіей; прочія вѣроисповѣданія объявлены были просто терпимыми. Въ 1837 году изданъ былъ новый судебникъ гражданскихъ законовъ; въ введеніи къ этому судебнику сказано было, что одному королю принадлежитъ право издавать гражданскіе законы (въ прежнія столѣтія законъ тогда только получалъ силу, когда вносился въ книги (регистръ высшихъ судилищъ)). Въ 1840 году изданъ былъ новый уголовный кодексъ, который былъ составленъ очень хорошо, и въ которомъ обращалось преимущественно вниманіе на исправленіе преступниковъ; но дѣло въ томъ, что только самая незначительная часть постановленій его осуществилась. Въ

1841 году былъ изданъ военно-уголовный кодексъ, въ которомъ между прочимъ для извѣстныхъ случаевъ устанавливалось тѣлесное наказаніе въ 1800 ударовъ розогъ. Въ 1843 году король учредилъ провинціальныя и областныя (интендантскіе) совѣты, которые должны были ежегодно собираться для совѣщаній обо всемъ, касающемся администраціи округовъ; они сами выбирали предметы для своихъ совѣщаній, и могли дѣлать правительству представленія о предметахъ, превышающихъ потребности извѣстнаго округа; члены провинціальныхъ совѣтовъ на половину замѣщались по выборамъ, на половину назначались отъ короны; члены окружныхъ совѣтовъ назначались провинціальными совѣтами. Но вообще реформы, предпріятыя Карломъ-Альбертомъ въ первые 16 лѣтъ его царствованія относились только къ нѣкоторымъ отраслямъ управленія; къ тому же онѣ были медленны, не систематичны, какъ бы случайны. Это происходило какъ отъ личнаго характера короля — недовѣрчиваго, медлительнаго, скрытнаго, — такъ и вслѣдствіе вліянія, которое на него имѣла въ это время клерикально-реакціонная партія, и вслѣдствіе зависимости, въ которой онъ находился отъ внѣшнихъ обстоятельствъ (отношенія его къ священному союзу и проч.) Но между тѣмъ либеральное движеніе въ Италіи вообще, и въ Піемонтѣ въ особенности, усиливалось съ каждымъ годомъ. Сочиненія Джоберти (*Il primato degli Italiani*), Чезаре Бальбо (*Speranze d'Italia*), Массимо д'Азелло, производили сильное впечатлѣніе на народъ. Пій IX былъ выбранъ въ папы и началъ въ Римѣ свои либеральныя реформы; въ Туринѣ, въ Генуѣ, въ Казале начались мирныя, но очень значительныя демонстраціи въ пользу вступленія Піемонта на либеральный путь; король колебался, позволялъ демонстраціи, принималъ оваціи, отставлялъ графа Маргариту, представителя католики-консервативной партіи, и вслѣдъ за тѣмъ маркиза Вилламирину, настойчиво требовавшаго либеральныхъ реформъ. Но народное

движеніе брало верхъ и мало помалу увлекало короля. Онь 30 октября 1847 года, издалъ цѣлый рядъ довольно либеральныхъ эдиктовъ, которые по его мнѣнію могли замѣнить конституцію. Эдикты эти отмѣняли привилегированныя судилища (кромя церковныхъ судовъ), упрощали судопроизводство и дѣлали его гласнымъ; полиція была отнята изъ подъ вѣдѣнія губернаторовъ и передана въ руки чиновниковъ, принадлежавшихъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ; личная свобода гражданина была гарантирована. Область вѣдѣнія муниципальных и провинціальныхъ совѣтовъ была значительно расширена; сдѣланы были нѣкоторыя стѣсненія въ ценсурѣ; государственный совѣтъ былъ усиленъ членами изъ провинцій. Между тѣмъ въ январѣ 1848 года сдѣланы были либеральныя реформы въ Неаполѣ. Въ началѣ февраля въ Туринъ прибыла депутація изъ Генуи, съ цѣлью просить у короля учрежденія національной гвардіи и другихъ реформъ; эта депутація имѣла совѣщанія съ главными представителями туринской прессы. Во время этихъ совѣщаній графъ Кавуръ, одинъ изъ редакторовъ журнала *Risorgimento*, первый предложилъ подать королю просьбу о дарованіи конституціи. Это предложеніе было принято единогласно. Обоимъ редакторамъ *Risorgimento* — графу Кавуру и Санта-Розѣ, и главному редактору *Opinione* — Дурандо — поручено было поднести королю эту просьбу. 5-го февраля туринскій муниципальный совѣтъ тоже рѣшилъ (по предложенію Санта-Розы) просить короля о конституціи, и подобное же рѣшеніе было принято муниципальными совѣтами Генуи и нѣкоторыхъ другихъ городовъ. 7-го февраля король принялъ депутацію туринскаго совѣта, явившуюся просить его о конституціи. Онь собирался стать во главѣ національнаго движенія противъ Австріи; онъ боялся, чтобы неаполитанскій король и папа, давшіе уже своимъ подданнымъ конституцію, не заняли бы первое мѣсто во главѣ возржающейся Италіи; онъ понялъ, что ему нельзя и надѣяться

ся занять это мѣсто, если онъ не исполнитъ желаній народа, стремившагося къ конституціоннымъ учрежденіямъ— и онъ рѣшился дать своимъ подданнымъ конституцію, на которую онъ при другихъ обстоятельствахъ никогда бы не согласился. Въ этотъ же день т. е. 7-го февраля онъ собралъ министровъ, членовъ государственнаго совѣта и высшихъ чиновниковъ, и объявилъ имъ, что онъ намѣренъ исполнить обѣщанія, данныя имъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ своимъ подданнымъ, и даровать имъ конституцію. 8-го февраля появилась королевская прокламація, въ которой король «въ знакъ полного своего довѣрія къ народу и для пополненія доселѣ сдѣланныхъ реформъ» объявлялъ главныя основанія конституціи, — *основнаго закона*, какъ она была названа въ прокламаціи *). (Такъ какъ эти главныя основанія вошли въ составъ самой конституціи, то мы не остаиваемся здѣсь на нихъ). 22-го февраля назначена была коммиссія, подъ предсѣдательствомъ Чезаре Бальбо, для составленія избирательнаго закона, а 14-го марта обнародована была, за подписью короля и его министровъ, *сардинская конституція*. Перейдемъ къ разсмотрѣнію этой конституціи.

II.

Исчисленіе правъ и обязанностей итальянцевъ начинается общимъ постановленіемъ о томъ, что всѣ подданные итальян-

* Альбертъ Бланъ въ сочиненіи своемъ *La monarchie représentative en Italie* рассказываетъ слѣдующее о составленіи основныхъ началъ конституціи, ругаясь при этомъ за достовѣрность своего расказа: онъ говоритъ, что Карль-Альбертъ явился въ государственный совѣтъ съ листомъ бумаги, на которомъ онъ написалъ собственноручно: «Основной статутъ. Ст. 1-я католическое, апостолшеское, римское вѣроисповѣданіе объявляется государственной религіей.» И ничего болѣе. Онь такимъ образомъ извѣляла только твердое свое намѣреніе не разрывать своихъ связей съ Римомъ; что же касается до выработки дальнѣйшихъ конституціонныхъ учрежденій для своего королевства, то онъ предоставилъ это дѣло инициативѣ своихъ совѣтниковъ.

скаго королевства равны передъ закономъ (исключеніе изъ этого общаго правила дѣлается только въ пользу членовъ верхней и нижней палаты, пользующихся особыми привилегіями, о которыхъ будетъ говорить ниже. Всѣ итальянскіе граждане безъ различія пользуются всеми политическими и гражданскими правами, кромѣ тѣхъ, которые лишаются этого права вслѣдствіе приговора суда. Всякій гражданинъ можетъ занимать военныя и гражданскія должности, если онъ удовлетворяетъ требуемымъ для этого условіямъ. Всѣ граждане, какого бы званія они ни были и къ какому бы сословію они ни принадлежали, должны безразлично платить государственныя подати и нести прочія повинности; но подати и повинности эти должны быть соразмѣрны съ благосостояніемъ каждаго гражданина. Исходя отъ этого принципа составители конституціи постановили, что центральное правительство должно только опредѣлить сколько слѣдуетъ налоговъ съ каждой провинціи, а раскладка этихъ налоговъ на всѣхъ жителей провинціи должна быть предоставлена провинціальнымъ, окружнымъ и общиннымъ со-вѣтамъ. Далѣе конституція говоритъ, что ни одинъ налогъ не можетъ быть взимаемъ безъ согласія палатъ и безъ утвержденія короля. Личная свобода каждаго гражданина обезпечена; никто не можетъ быть арестованъ и преданъ суду иначе какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда противъ него будутъ сильныя улики. Частное жилище признается неприкосновеннымъ; законъ строго опредѣляетъ тѣ немногіе случаи, гдѣ дозволяется домовый обыскъ. Всякій гражданинъ пользуется полной свободой говорить, писать и печатать, что ему угодно; но въ случаяхъ, когда словеснымъ или письменнымъ путемъ нарушены будутъ государственныя или частныя интересы, или нанесено оскорбленіе, оскорбленному или вообще всякому, кого это дѣло касается, предоставляется право подвергать оскорбителя или нарушителя чужихъ интересовъ судебному преслѣдованію, и законъ на-

казываетъ виновнаго. Преступленія и проступки противъ печати разсматривается въ Италіи судомъ присяжныхъ. Послѣ парижскаго переворота 2-го декабря 1851 года, когда піемонтская пресса отзывалась очень неблагосклоно о самомъ переворотѣ и о виновникѣ его, сардинское правительство опасаясь гнѣва могущественнаго сосѣда, издало законъ, по которому всякій оскорбившій иностраннаго государя, подвергался суду обыкновенныхъ трибуналовъ, безъ присяжныхъ. Но этотъ законъ вскорѣ былъ опять отмѣненъ, и судъ присяжныхъ вновь введенъ для всѣхъ проступковъ противъ печати. Въ 1858 году, когда французское правительство, послѣ покушенія Орсини потребовало отъ всѣхъ сосѣдей болѣе строгихъ мѣръ противъ заговорщиковъ, въ Піемонтѣ изданъ былъ законъ, по которому всякій печатно защищавшій политическія убійства, предавался суду; но присяжные, которые должны произносить приговоръ о виновности или о невинности его, назначаются не по жребію, какъ въ прочихъ случаяхъ, а выбираются особою правительственною коммиссіею. Впрочемъ, эта послѣдняя мѣра была только временною мѣрою, и должна была прекратиться съ 1862 годомъ. Постановленіе о свободной печати само-собою не допускаетъ никакой предварительной цензуры. Но исключеніе изъ общаго правила составляютъ только книги о литургіи, катихизисы и пр. подобныя книги, которыя не могутъ быть печатаемы и перепечатываемы иначе, какъ съ разрѣшенія мѣстнаго епископа.

Частная собственность признается неприкосновенною. Относительно этого пункта допускается только одно исключеніе: въ тѣхъ случаяхъ гдѣ того требуетъ общественная польза (при проведеніи желѣзныхъ дорогъ, постройкѣ общественныхъ зданій, которыя по чему-либо должны находиться именно въ извѣстномъ мѣстѣ и пр.) частное лице должно уступать государству (или, вѣрнѣе, обществу) свою собственность за извѣстное вознагражденіе, опредѣляемое особеннымъ за-

кономъ. Всякое обязательство государства относительно своихъ кредиторовъ признается святымъ и ненарушимымъ, и государство ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права отказаться отъ платежей по этимъ обязательствамъ. Публичный долгъ гарантируется достояніемъ всего государства. Далѣе конституція признаетъ за всѣми италіянскими гражданами два чрезвычайно важныя права: граждане имѣютъ право дѣлать гдѣ и когда имъ заблагоразсудится сходки; отъ нихъ требуется только, чтобы они собирались на этѣ сходки безъ оружія, и чтобы они при этомъ сообразовались бы съ общими полицейскими правилами. Второе изъ этихъ правъ состоитъ въ томъ, что всякій совершеннолѣтній гражданинъ можетъ подавать въ парламентъ прошенія. Такъ какъ одною изъ первыхъ статей конституціи признается правило, что всѣ италіяны равны передъ закономъ, то понятнымъ образомъ не можетъ быть особенныхъ дворянскихъ правъ и привилегій; но конституція объявляетъ, что дворянскіе титулы остаются за тѣми, кто имѣетъ на нихъ право.

Италіянская конституція объявляетъ, что римско-католическая религія должна быть признаваема единственною государственною религіею; но другія вѣроисповѣданія она объявляетъ терпимыми. Въ Италіи не существуетъ конкордата, который бы опредѣлялъ точнымъ образомъ всѣ отношенія италіянскаго духовенства къ папѣ и къ государству: Бывшее сардинское правительство не прочь было отъ заключенія конкордата и неоднократно изъявляло это желаніе папской куріи. Но тѣмъ не менѣе это дѣло не состоялось; римская курія никакъ не хотѣла согласиться заключить съ Пиемонтомъ такой конкордаты, какъ напр. французскій; этого ей казалось слишкомъ много; а на такой конкордаты, какъ напр. австрійскій, который даетъ папѣ и католическому духовенству такое огромное значеніе въ странѣ, пиемонтское правительство никогда не могло и не хотѣло согласиться. Поэтому отношенія духовенства къ правительству опредѣ-

ляются извѣстными постановленіями, изданными въ разное время, по большей части вызывавшими въ свое время протесты папы, а также отчасти и туземнаго духовенства, но тѣмъ не менѣе вошедшими въ силу и продолжающими дѣйствовать. Особенная духовная юрисдикція, существовавшая въ странѣ до 1850 года, уничтожена въ этомъ году, въ силу, такъ называемаго, сиккардовскаго закона. Велѣдствіе того всякій процессъ между духовными и свѣтскими лицами, а также духовныхъ лицъ между собою, рѣшается обыкновеннымъ, гражданскимъ трибуналомъ. Уничтожено также право убѣжища въ церквахъ: гражданскія власти имѣютъ право взять всякаго преступника, скрывающагося въ церкви. Духовенство, какъ высшее такъ и низшее, чрезвычайно многочисленно въ Италіи: въ бывшемъ Сардинскомъ королевствѣ, при 4½ милл. жителей было 7 архіепископовъ, и 34 епископа. Но за то и доходы италіянскаго духовенства весьма значительны; трудно опредѣлить каковъ доходъ его въ прочихъ частяхъ Италіи, недавно вошедшихъ въ составъ королевства; по доходамъ собственно сардинскаго духовенства составляли болѣе 17 милл. франковъ, т. е. ровно столько, сколько доставляетъ казнѣ поземельный налогъ въ этой области*).

Въ силу закона, изданнаго въ 1855 году, большая часть монастырскихъ общинъ и религіозныхъ корпорацій считаются уничтоженными (по крайней мѣрѣ въ Сардинскомъ королевствѣ), и могутъ быть возстановлены не иначе, какъ въ силу особеннаго, спеціальнаго закона. Исключаются изъ этого общаго правила только тѣ корпораціи, которыя занимаются общественнымъ воспитаніемъ или образованіемъ и уходомъ за больными; для этихъ корпорацій существуютъ особенные, утвержденные правительствомъ штаты. Всѣ имѣ-

*) Въ Бельгій, гдѣ населеніе равняется численности населенію бывшаго Сардинскаго королевства, доходы духовенства составляютъ всего 4 милл. франк., а во Франціи, гдѣ населеніе въдесятеро болѣе — 4½ милл. франк., т. е. только въ 2½ раза болѣе Сардинскаго.

нія обществъ и корпорацій перешли въ администрацію государственныхъ имуществъ, и государство должно употреблять доходы съ нихъ на уплату жалованья и пенсій духовенству. Тѣ члены духовенства, которые, въ силу этого закона, должны были оставить общины и корпораціи, могли оставаться въ странѣ, но только они дѣлались обыкновенными гражданами и должны были подчиняться общимъ законамъ.

Имѣнія, отнятыя изъ-подъ вѣденія монастырей и духовенства, переданы были въ особое, специальное вѣдомство, извѣстное подъ именемъ *духовныхъ кассъ*, обязанность которыхъ состояла въ томъ, чтобы распределять доходы съ этихъ имѣній между различными членами духовенства, какъ высшаго такъ и низшаго. Если при этомъ распределеніи между чиновниками духовныхъ кассъ и отдѣльными членами духовенства или цѣлыми духовными корпораціями происходятъ столкновения, то дѣло разсматривается обыкновеннымъ судебнымъ порядкомъ. Относительно заключеній браковъ мы находимъ въ италіянскомъ законодательствѣ слѣдующее — бракъ долженъ совершаться сообразно съ правилами и церемоніями, которыя предписываетъ католическая Церковь, въ томъ случаѣ если онъ совершается между лицами католическаго вѣроисповѣданія, или сообразно съ существующими обыкновеніями и постановленіями, если онъ совершается между лицами, принадлежащими къ терпимымъ вѣроисповѣданіямъ. Гражданскаго брака, въ томъ видѣ какъ онъ существуетъ во Франціи, въ Италіи не существуетъ; но италіянское законодательство допускаетъ гражданскій бракъ для тѣхъ лицъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда Церковь отказывается, и по какому-либо причинамъ, вѣнчать желающихъ вступитъ въ бракъ: тогда они имѣютъ право заключать свадебный контрактъ въ окружномъ магистратѣ и союзъ ихъ считается свѣтскою властью законнымъ.

III.

Конституція постановляетъ, что образъ правленія въ Италіи долженъ быть монархически-представительный. Какъ и во всякой представительной монархіи, въ Италіи существуютъ три власти, сферы которыхъ точно опредѣлены и рѣзко разграничены; эти три власти суть: власть исполнительная, законодательная и судебная. Исполнительная власть принадлежитъ королю, его министрамъ и административнымъ чиновникамъ, находящимся въ зависимости отъ министровъ. Законодательная власть принадлежитъ поровну тремъ факторамъ власти:—королю, сенату и палатѣ депутатовъ. Судебная власть принадлежитъ судьямъ (назначаемымъ королемъ). Королю принадлежать слѣдующія права и прерогативы: особа его считается неприкосновенною; ему принадлежитъ высшая исполнительная власть. Королю же принадлежитъ высшее начальство надъ арміею и флотомъ. Королю принадлежитъ право объявлять войну и заключать миръ; ему же принадлежитъ право заключать союзы, торговые и другіе договоры; но только онъ сообщаетъ о каждомъ изъ этихъ союзовъ и договоровъ парламенту. (При этой статьѣ мы находимъ оговорку: король сообщаетъ объ нихъ парламенту тогда, когда «время и обстоятельства дозволятъ сдѣлать это безъ ущерба для государственныхъ интересовъ». Далѣе мы встрѣчаемъ по тому же предмету другую оговорку, съ справедливостью которою нельзя не согласиться: договоры, имѣющіе слѣдствіемъ измѣненіе территорій, или ведущіе къ увеличенію налоговъ, хотя и заключаются отъ имени короля, но входятъ въ силу не ранѣе, какъ по утвержденіи ихъ парламентомъ. Королю принадлежитъ право назначать и увольнять всѣхъ должностныхъ лицъ; онъ издаетъ декреты и постановленія, которые необходимы для исполненія законовъ, выработанныхъ законодательною властью; ему принадлежитъ только право утверждать ихъ и обязанность при-

водитъ ихъ въ исполненіе, безъ права измѣнять или отмѣнять ихъ своею властью. Королю предоставлено право смягчать наказанія или совершенно миловать преступниковъ. Король ежегодно сзываетъ обѣ палаты; онъ имѣетъ право отсрочивать ихъ засѣданія и распускать палату депутатовъ (но въ такомъ случаѣ онъ созываетъ новую палату не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ спустя послѣ распушенія прежней). Инициатива въ предложеніи новыхъ законовъ принадлежитъ одинаково королю, сенату и палатѣ депутатовъ; по всякой законъ, который имѣетъ цѣлью введеніе новаго налога, долженъ непременно быть прежде разсмотрѣнъ палатою депутатовъ. Всякій законъ разсматривается сначала одной палатою, потомъ передается на разсмотрѣніе другой и наконецъ, утверждается королемъ; никакой законъ не можетъ имѣть силы, если не прошелъ черезъ всѣ эти три степени. Королю предоставлено право жаловать дворянскіе титулы (не соединяя съ ними никакихъ привилегій). Совершеннолѣтнимъ король считается съ того дня какъ ему минуло 18 лѣтъ. При вступленіи своемъ на престолъ король приноситъ въ присутствіи обѣихъ палатъ, присягу на соблюденіе конституціи. Такъ какъ расходы на содержаніе короля, семейства и двора его могутъ мѣняться отъ времени до времени, то конституція устанавливаетъ, что *liste-civile* должна быть опредѣляема для всякаго новаго царствованія, при вступленіи на престолъ новаго монарха, первою собравшеюся палатою. Въ настоящее время *liste-civile* (по закону 1860 года, такъ какъ съ этого года начинается существованіе Италіянскаго королевства) опредѣлена въ 10,500,000 лиръ (2,625,000 руб. сер.). Наконецъ конституція объявляетъ власть королевскую наследственною, безразлично въ мужескомъ и въ женскомъ колѣнѣ. Король назначаетъ и увольняетъ своихъ министровъ. Всякое вновь издаваемое постановленіе должно быть скрѣплено министромъ: иначе оно считается недѣйствитель-

нымъ и немѣющимъ силы. Такъ какъ король лично не подвергается никакой отвѣтственности, то отвѣтственность исполнительной власти падаетъ на министровъ; палата депутатовъ имѣетъ право требовать отъ министровъ отчета о ихъ дѣйствіяхъ и предавать ихъ суду; судъ надъ министрами производится сенатомъ. Министры тогда только имѣютъ право голоса въ сенатѣ и въ палатѣ депутатовъ, когда они бывають дѣйствительными членами этихъ палатъ; но они всегда имѣютъ право присутствовать въ обѣихъ палатахъ для того, чтобы дать палатамъ необходимое объясненіе, и они должны быть всегда выслушаны, когда того требуютъ.

Власть законодательная кромѣ короля, принадлежитъ двумъ палатамъ — палатѣ депутатовъ и сенату. Въ италіанской конституціи заключаются постановленія, какъ общія для обѣихъ палатъ, такъ и для каждой изъ нихъ отдѣльно. Къ общимъ постановленіямъ принадлежатъ слѣдующія: засѣданія сената и палаты депутатовъ должны всегда начинаться и оканчиваться въ одно время; всякое собраніе одной изъ этихъ палатъ внѣ сессіи другой считается незаконнымъ, и законы, ею изданные въ это время, считаются недѣйствительными. Сенаторы и депутаты, послѣ назначенія или избранія своего, приносятъ присягу въ вѣрности королю; равнымъ образомъ они клянутся соблюдать по всей справедливости статуты и законы государства. Далѣе мы находимъ въ италіанской конституціи постановленіе, которое очевидно скопировано съ англійскихъ учреждений, но съ справедливостью котораго мы никакъ не можемъ согласиться. Постановленіе это говоритъ, что ни сенаторъ, ни депутатъ не долженъ получать отъ государства ни жалованья, ни какого-либо другаго вознагражденія. Велѣдствіе этого аристократическаго взгляда на дѣло народнаго представительства, способнымъ и благомыслящимъ, но недостаточнымъ людямъ дѣлается чрезвычайно затруднительнымъ,

часто даже невозможнымъ принять на себя званіе депутата сопряженное отчасти съ издержками, но во, всякомъ случаѣ съ потерю времени: ужь если составители италіанской конституціи хотѣли брать съ кого-нибудь примѣръ, то имъ гораздо лучше было взять въ настоящемъ случаѣ примѣръ напр., съ бельгійцевъ, которые не затруднили доступъ къ народному представительству самымъ лучшимъ и свѣжимъ силамъ своей страны. Сенаторъ не можетъ быть арестованъ и преданъ суду безъ разрѣшенія сената; исключеніе изъ этого правила допускается только въ томъ случаѣ, если онъ захваченъ на мѣстѣ преступленія (*flagrant délit*); судъ надъ нимъ производится сенатомъ. Равнымъ образомъ и депутатъ (за тѣмъ же исключеніемъ) не можетъ быть арестованъ и преданъ уголовному суду безъ разрѣшенія палаты. Ни сенаторъ, ни депутатъ не могутъ быть арестованы за долги, ни во время сессіи, ни за три недѣли до начала или послѣ окончанія ея. Сенаторы и депутаты пользуются правомъ свободно высказывать свои мнѣнія и предлагать свои вопросы; никто изъ нихъ не можетъ быть подвергнутъ никакой отвѣтственности за высказанныя имъ въ палатѣ мнѣнія. Всякій сенаторъ и членъ палаты депутатовъ имѣетъ право требовать отъ министровъ объясненія, и министры не могутъ отказать дать таковыя, если они не представляютъ уважительныя на то причины. Конституція требуетъ, чтобы засѣданія обѣихъ палатъ были публичны; однако она опредѣляетъ, что если только *десять* членовъ подадутъ письменное прошеніе, то можетъ быть назначено секретное засѣданіе палаты. Для того, чтобы какое-нибудь рѣшеніе было дѣйствительнымъ необходимо, чтобы при постановленіи его присутствовало въ засѣданіи абсолютное большинство палаты. Если какой-нибудь проектъ закона отвергнуть однимъ изъ трехъ факторовъ законодательной власти, то этотъ законъ не можетъ быть предложенъ вторично въ ту же сессію. Прошенія должны быть подаваемы

палатамъ черезъ какого-нибудь депутата; сами палаты не могутъ принимать какихъ-либо депутацій, или вообще кого-либо то ни было, за исключеніемъ министровъ и комиссаровъ правительства. И сенатъ и палата депутатовъ повѣряютъ права своихъ членовъ на принятіе въ палату. Одно и то же лицо не можетъ быть въ одно время сенаторомъ и депутатомъ. Наконецъ, бывший сардинскій, а нынѣ италіанскій, государственный статутъ, въ главѣ о правахъ депутатовъ и сенаторовъ, заключаетъ одну статью, которая теперь, при измѣнившихся обстоятельствахъ, не имѣетъ уже почти смысла, которая, поэтому, можетъ быть выброшена изъ статута; въ этой статьѣ этой говорится, что депутаты тѣхъ округовъ, гдѣ господствуетъ французскій языкъ (т. е. нѣкоторыхъ савойскихъ округовъ), могутъ объясняться въ палатахъ на французскомъ языкѣ. Съ присоединеніемъ всей Савойи къ Франціи этотъ параграфъ конституціи дѣлается уже лишнимъ, такъ какъ теперь въ составѣ Италіанскаго королевства нѣтъ больше провинцій, гдѣ преобладалъ бы французскій языкъ.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію статей конституціи, касающихся каждой изъ двухъ палатъ отдѣльно; прежде мы разсмотримъ постановленія относительно палаты депутатовъ и находящіяся въ тѣсной связи съ ними постановленія относительно выборовъ. Все Италіанское королевство раздѣляется на 443 избирательныхъ коллегій, которыя посылаютъ въ палату каждая по одному депутату; такимъ образомъ въ полномъ своемъ составѣ палата депутатовъ должна бы состоять изъ 443 членовъ. Такъ какъ настоящее населеніе Италіанскаго королевства составляетъ немного менѣе 22-хъ мил. людей, то, слѣдовательно, приходится по одному депутату на 49,000 человекъ (въ Англіи приблизительно одинъ депутатъ на 45,000 человекъ, въ Бельгіи одинъ депутатъ на 44,000 человекъ). Далѣе конституція опредѣляетъ, кто можетъ быть депутатомъ—для чего нужно удовлетворять весьма немногимъ условіямъ: нужно только быть италіанскимъ поддан-

нымъ, имѣть не менѣе тридцати лѣтъ отъ роду, и не быть лишеннымъ по приговору суда пользованія политическими и гражданскими правами. Депутаты выбираются на пятилѣтній срокъ. Депутатъ считается представителемъ всей націи, а не той только области, въ которой онъ былъ избранъ; изъ этого общаго опредѣленія слѣдуетъ другое, частное, которое иначе не имѣло бы смысла и не могло бы быть объяснено, именно то опредѣленіе, по которому инструкціи, данныя избирателями посылаемымъ въ палату депутатовъ, не должны имѣть для этихъ послѣднихъ никакой обязательной силы. Оно и понятно: эти инструкціи могутъ касаться только мѣстныхъ вопросовъ, стремиться къ охраненію однихъ только мѣстныхъ интересовъ, а всякій депутатъ долженъ служить представителемъ интересовъ цѣлой страны. При началѣ, каждой сессіи депутаты избираютъ, однажды на всю сессію изъ своей среды президента, вице-президента и секретаря. Если во время сессіи кто изъ депутатовъ выбываетъ изъ палаты за смертію или по другимъ причинамъ, то избирательная коллегія, избравшая его въ депутаты, немедленно собирается и избираетъ новаго депутата. Затѣмъ конституція опредѣляетъ весьма важный вопросъ: вопросъ о томъ, кто можетъ быть избирателемъ? Избирательный законъ былъ выработанъ въ февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ 1848 года особою комиссіею, подъ предсѣдательствомъ Чезаре Бальбо. Комиссіи этой предстоялъ нелегкій трудъ: ей пришлось работать въ самое бурное время: въ то время, когда только что вспыхнула французская революція, и когда вся Италія находилась въ сильномъ броженіи; она не имѣла подъ рукой почти никакихъ статистическихъ данныхъ касательно населенія различныхъ провинцій королевства; членамъ ея сказано было только: «возьмите въ основаніе цензъ и выработайте избирательный законъ», и несмотря на все эти трудности, комиссія въ короткое время выработала весьма удовлетворительный избирательный законъ, который въ основныхъ чертахъ своихъ

распространился теперь на все италіанское королевство, и несмотря на совершенно измѣнившіеся обстоятельства, подвергся весьма немногимъ измѣненіямъ. Вотъ главныя основанія этого избирательнаго закона.

Избирателемъ можетъ быть тотъ, кто подходитъ подъ извѣстный цензъ (см. ниже) и, кромѣ того удовлетворяетъ слѣдующимъ условіямъ: избиратель долженъ быть италіанскимъ подданнымъ или натурализованнымъ въ странѣ; онъ долженъ имѣть не менѣе 25-ти лѣтъ отъ роду; далѣе слѣдуетъ весьма важная мѣра:—избиратель долженъ умѣть читать и писать. По нашему мнѣнію, подобное ограниченіе представляется самымъ разумнымъ; только въ Италіи эта мѣра является мѣрою не первостепенной важности; умѣніе читать и писать не составляетъ главнаго основанія, дающаго или не дающаго права на участіе въ выборахъ, а стоитъ на второмъ планѣ, послѣ вопроса о томъ: подходитъ ли это или не подходитъ подъ извѣстный цензъ? Это условіе (умѣнье читать и писать) распространяется впрочемъ, не на все италіанскія провинціи, и въ этомъ мы не можемъ не видѣть акта справедливости италіанскаго правительства относительно всехъ своихъ подданныхъ: условіе это обязательно только для бывшаго Сардинскаго королевства и для тѣхъ провинцій, гдѣ уровень образованія выше сравнительно съ другими частями королевства (Тоскана, Ломбардія). Но для другихъ присоединенныхъ частей оно (конечно на время), въ силу закона 1860 года, не имѣетъ обязательной силы; это особенно важно для тѣхъ областей, въ которыхъ уровень образованія весьма низокъ (не по ихъ собственной винѣ конечно, а вслѣдствіе прежнихъ обстоятельствъ: неаполитанскія провинціи, бывшія папскія владѣнія). Цензъ въ Италіи не особенно высокъ сравнительно съ прочими государствами Европы: избирателемъ можетъ быть тотъ, кто платитъ не менѣе 40 франковъ ежегодныхъ податей. Въ числѣ этихъ сорока фран-

ковъ считается какъ личная подать, такъ и всякая подать, платимая съ движимаго и съ недвижимаго имущества, за право торговли, за право производить извѣстное ремесло, и проч. При этомъ не дѣлается никакого различія между сельскимъ и городскимъ жителемъ, какъ мы это видимъ въ другихъ странахъ. (Въ Бельгійи требуется для избирателя отъ 30 до 80 флориновъ, т. е. отъ 65 до 170 франковъ прямыхъ налоговъ; въ Англіи цензъ опредѣляется не по количеству платимыхъ податей; но сравнительно онъ тоже значительно выше итальянскаго). Оставаясь вѣрнымъ принципу, что при опредѣленіи того, кому слѣдуетъ быть избирателемъ, умственное богатство должно быть принято въ соображеніе наравнѣ съ богатствомъ матеріальнымъ (принципу, обнаружившемуся уже въ вышеприведенномъ постановленіи объ умѣньи читать и писать), итальянская конституція дѣлаетъ нѣкоторыя исключенія изъ общаго правила о цензѣ, и позволяетъ слѣдующимъ лицамъ быть избирателями даже въ томъ случаѣ, когда они не удовлетворяютъ условіямъ, требуемымъ цензомъ: членамъ академіи наукъ и ученыхъ обществъ, членамъ академіи художествъ, профессорамъ университетовъ и другихъ высшихъ общественныхъ учебныхъ заведеній; далѣе гражданскимъ и военнымъ должностнымъ лицамъ, какъ служащимъ, такъ и находящимся въ отставкѣ и пользующимся пенсією; всѣмъ имѣющимъ ученую степень отъ академіи и отъ университетовъ; прокурорамъ, адвокатамъ, нотариусамъ и нѣкоторымъ другимъ лицамъ, о которыхъ предполагается, что они, по званію своему, должны стоять на извѣстной степени умственного развитія. Далѣе избирательный законъ допускаетъ еще нѣкоторыя исключенія изъ общаго правила о цензѣ: избирателемъ можетъ быть тотъ ремесленникъ или торговецъ, который хотя и не платитъ сорока франковъ податей въ годъ, но платитъ за наемъ лавки, мастерской или вообще помѣщенія отъ 200 до 600 франковъ (сумма эта измѣняется, смотря по населенности общины, къ

которой принадлежитъ этотъ ремесленникъ или торговецъ). Накопецъ избирателемъ можетъ быть тотъ капиталистъ или тотъ рентьеръ, который хотя и не платитъ сорока франковъ податей, но пользуется втеченіи пяти лѣтъ, предшествовавшихъ составленію избирательныхъ списковъ, ежегодно государственною рентою въ 600 франковъ. Нельзя не сознаться, что вообще избирательный законъ въ Италіи довольно либераленъ, сравнительно съ другими избирательными законами; но, тѣмъ не менѣе, достойно замѣчанія то, что несмотря на сравнительно низкій цензъ, несмотря на исключенія изъ ценза, допускаемая закономъ, избирателями въ Италіи могутъ быть не болѣе 10 проц. всего мужскаго населенія. Конечно этотъ незначительный процентъ происходитъ не отъ строгости избирательнаго закона, а отъ малаго развитія умственнаго образованія и матеріальнаго благосостоянія страны; не подлежитъ сомнѣнію, что подъ вліяніемъ новыхъ учрежденій, и то и другое быстро поднимется, и что скоро настанетъ время, когда и при этомъ избирательномъ законѣ, процентъ избирателей значительно увеличится сравнительно съ населеніемъ страны вообще; потому что, нѣтъ сомнѣнія, что черезъ 10 лѣтъ напр. значительно увеличится число умѣющихъ читать и писать, число получившихъ высшее образованіе, число платящихъ по сорока франковъ податей и, наконецъ, число болѣе крупныхъ торговцевъ и болѣе значительныхъ ремесленниковъ.

Верхняя палата итальянскаго парламента называется сенатомъ. Сенатъ состоитъ изъ неограниченнаго числа членовъ, назначаемыхъ пожизненно королемъ. Но конституція ограничиваетъ этотъ выборъ извѣстною категорією лицъ. Во-первыхъ: сенаторъ долженъ имѣть не менѣе сорока лѣтъ отъ роду; во-вторыхъ — сенаторами могутъ быть только слѣдующія лица: архіепископы и епископы; министры, послы и посланники, государственные совѣтники и лица, занимавшія высшія административныя должности (префекты и

проч.); президенты палаты депутатовъ и депутаты, занимавшіе эту должность въ продолженіи трехъ сессій (15-ти лѣтъ); президенты кассационныхъ судовъ, апелляционныхъ судовъ и счетной камеры; генералы и адмиралы; лица, занимающія высшія должности въ учебномъ вѣдомствѣ и члены академіи наукъ; лица, платившія три года сряду по 3000 франковъ податей и налоговъ съ движимой и недвижимой собственности или съ торговыхъ оборотовъ; лица, которыя прославили отечество высокими своими дарованіями и оказали ему великія услуги. Наконецъ сенаторами считаются всѣ принцы королевской фамилии, достигшіе двадцати-однолѣтняго возраста. Президентъ и вице-президентъ сената назначаются королемъ; секретаря сенаторы сами избираютъ изъ своей среды. Сенатъ кромѣ законодательной власти имѣетъ еще власть судебную; онъ составляетъ высшее судилище въ государствѣ, суду котораго подлежатъ государственные измѣнники, лица, совершившія преступленія противъ безопасности государства и министры, преданные суду палатой депутатовъ. Въ то время, когда онъ превращается въ судебное мѣсто, онъ теряетъ свой политическій характеръ, и не занимается никакими другими дѣлами.

Вотъ главныя постановленія италіанской конституціи относительно верхней палаты парламента—сената. Читая эти постановленія, нельзя не обратить вниманіе на ту странную роль, которую играетъ въ Италіи сенатъ. Поневолѣ спрашиваешь себя: имѣетъ ли сенатъ въ Италіи какое-нибудь значеніе? — и на этотъ вопросъ приходится отвѣчать—нѣтъ! онъ не имѣетъ никакого значенія. Мы не станемъ входить здѣсь въ подробное разсужденіе относительно того, какое значеніе вообще имѣетъ верхняя палата въ государственномъ строѣ страны, такъ-какъ это не входитъ въ нашу задачу; мы ограничимся только нѣсколькими краткими замѣчаніями, которыя должны служить къ поясненію нашего взгляда на назначеніе сената въ Италіи. Въ настоящее время

принято почти за аксіому, что двухъ-камерная парламентская система необходима; эта необходимость основывается будто-бы на томъ, что при двухъ палатахъ лучше сохраняется равновѣсіе между властью монарха и властью народныхъ представителей; что необходимо собрать въ верхней палатѣ консервативно-аристократическіе элементы страны, которые умѣряли бы слишкомъ быстрое стремленіе впередъ со стороны депутатовъ, представляющихъ демократическіе элементы, и проч. Замѣтимъ на это, что въ нашихъ главахъ аксіома о необходимости двухкамерной системы для правильнаго хода парламентскаго развитія страны, представляется еще весьма сомнительной проблемой; что мы никакъ не можемъ видѣть въ верхнихъ палатахъ посредническаго элемента между властью исполнительной и народнымъ представительствомъ. Мы не отрицаемъ того, что и консервативнымъ элементамъ необходимо дать мѣсто въ общей системѣ государственнаго строя; но мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы необходимо было сдѣлать изъ этихъ элементовъ особый факторъ власти, чтобы нужно было собрать ихъ въ особенную палату, которая бы имѣла въ странѣ одинаковое значеніе съ властью палаты представителей. Парламентская исторія всѣхъ странъ, имѣющихъ представительный образъ правленія, доказываетъ намъ, что консервативные элементы всегда найдутъ себѣ мѣсто и въ палатѣ депутатовъ, особенно при повсемѣстно существующей системѣ ценза; нѣтъ никакого основанія предполагать, что палата представителей должна состоять исключительно изъ демократически-разрушительныхъ элементовъ; народъ всегда найдетъ въ своей средѣ достаточно консервативныхъ представителей, которыхъ онъ пошлетъ въ палату. А при двухъ-камерной системѣ что же выходитъ? Монархическая власть представляетъ всегда гораздо болѣе консервативныхъ элементовъ, нежели прогрессивныхъ; палата представителей, рядомъ, съ послѣдними представляетъ

всегда также достаточное количество первых; верхняя палата въ большей части случаевъ состоитъ почти исключительно изъ консервативныхъ элементовъ. Гдѣ же послѣ этого равномерность? Исключеніе изъ общаго правила относительно верхнихъ палатъ составляютъ Бельгія, Сѣверная Америка и отчасти Англія. Къ послѣдней мы отнесли это замѣчаніе потому, что въ ней, какъ извѣстно, какъ давно уже сказано и пересказано, аристократія имѣетъ особенный характеръ, непохожій на характеръ аристократіи въ другихъ странахъ; она по направленію своему не отличается такъ рѣзко отъ прочихъ классовъ, и интересы ея не идутъ такъ замѣтно въ разрѣзъ съ интересами остальныхъ сословій, какъ мы это видимъ въ другихъ странахъ Европы. Консервативные элементы въ Англіи не составляютъ исключительнаго достоянія аристократіи; они распределены, напротивъ, довольно равномерно — и въ весьма значительной степени — во всѣхъ классахъ общества. Отъ этого палата представителей и палата лордовъ весьма близки другъ къ другу по направленію: и та и другая представляетъ почти въ одинаковой мѣрѣ и консервативные, и прогрессивные элементы. Въ Бельгіи же и Сѣверной Америкѣ сенатъ, подобно палатѣ представителей, выходитъ изъ народныхъ выборовъ; только въ Бельгіи цензъ для избирателей въ члены сената нѣсколько выше, и въ обѣихъ странахъ сенаторъ долженъ удовлетворять нѣсколько другимъ условіямъ, нежели членъ палаты депутатовъ (онъ долженъ быть старше лѣтами и проч.). Но и въ этихъ странахъ, т. е. въ Англіи, Бельгіи и Америкѣ, верхнія палаты не имѣютъ особеннаго значенія: если онѣ по характеру своему, почти нисколько не разнятся отъ палаты депутатовъ, то значить — нѣтъ достаточной причины заставлять членовъ верхней и нижней палатъ засѣдать въ разныхъ залахъ; онѣ могли бы весьма удобно соединиться въ одну палату. Въ защиту итальянскаго сената говорятъ еще, что онъ важенъ потому, что на скамьяхъ его собирается все,

что есть даровитаго и талантливаго въ странѣ. Но и это объясненіе никуда не годится, во-первыхъ: ему противорѣчатъ факты, и мы вовсе не видимъ въ числѣ итальянскихъ сенаторовъ особенно выдающихся личностей, свѣтили Итали; во-вторыхъ, талантливые люди всегда обратятъ на себя всеобщее вниманіе; народъ всегда съумѣетъ найти ихъ въ своей средѣ и всегда будетъ радъ выбрать ихъ своими представителями, такъ что ихъ таланты и способности не пропадутъ даромъ и принесутъ свою пользу странѣ. Такимъ образомъ итальянскій сенатъ представляетъ какое-то учрежденіе, неимѣющее ни цѣли, ни значенія. И дѣйствительно всякій, кто слѣдитъ за парламентскою исторіею Итали, не могъ не обратить вниманіе на ту жалкую роль, которую играетъ итальянскій сенатъ въ политической жизни этой страны.

Касательно судебной власти конституція постановляетъ на первомъ планѣ правило, что никто не можетъ быть лишень своихъ обыкновенныхъ судей, и, поэтому, не могутъ быть учреждены какіе-либо особые суды или спеціальныя коммисіи. Но въ итальянской конституціи выборное начало не нашло себѣ мѣста относительно судебной власти: судьи занимаютъ эту должность (даже въ низшихъ инстанціяхъ) не по выбору націи, а по назначенію короля. Въ конституціи говорится, что судъ производится, во имя короля, судьями назначаемыми королемъ (исполнительною властью). Несмѣняемость судей тоже признана только отчасти а не вполне, именно: конституція признаетъ несмѣняемыми только тѣхъ судей, которые, будучи назначены королемъ, прослужили въ этомъ званіи не менѣе трехъ лѣтъ. Судъ въ Итали производится публично, какъ въ дѣлахъ гражданскихъ, тамъ и въ дѣлахъ уголовныхъ; засѣданія его открыты для публики. Но за то мы не находимъ въ итальянскихъ судахъ одного весьма важнаго элемента судопроизводства, который вошелъ почти во всѣ суды на западѣ, именно — присяжныхъ. Судъ присяжныхъ существуетъ въ Итали *только* для преступ-

лений и проступковъ противъ печати, и то съ нѣкоторыми ограниченіями, какъ мы видѣли выше. Когда нѣсколько разъ въ сардинскихъ палатахъ подымался былъ вопросъ о томъ, чтобы распространить судъ присяжныхъ на дѣла гражданскія, или, по крайней мѣрѣ, уголовныя, то подобныя предложенія каждый разъ встрѣчали сильнѣйшую оппозицію въ палатахъ; и эта оппозиція находила сочувствіе въ странѣ. Италіянская конституція говоритъ также, что судья не имѣетъ права толковать закона и что это право принадлежитъ только законодательной власти. Она уничтожаетъ также всѣ прежде существовавшія спеціальныя юрисдикціи (объ уничтоженіи духовныхъ судовъ мы говорили уже выше). Главное управленіе юстиціей находится въ рукахъ министра юстиціи. Верховнымъ судебнымъ мѣстомъ въ странѣ считается кассационный судъ, который постановляетъ окончательныя рѣшенія по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ. Послѣ кассационнаго суда, составляющаго высшую (третью) инстанцію, слѣдуютъ суды второй инстанціи — апелляціонные суды (*magistrato d'appello*); такъ какъ судебное устройство еще не вполне организовано во всемъ королевствѣ, то число апелляціонныхъ судилицъ еще не утверждено окончательно; въ бывшемъ Сардинскомъ королевствѣ ихъ было семь. Въ главномъ городѣ каждой провинціи существуютъ суды первой инстанціи (*tribunale di prima cognizione*). Наконецъ въ Италіи есть учрежденіе, занимающее въ этой странѣ то же мѣсто, которое въ другихъ странахъ занимаютъ мировые судьи: это, такъ называемые, *giudicatore di mandamento*. Главный городъ каждой провинціи имѣетъ тюрьму; кромѣ того, въ странѣ есть нѣсколько центральныхъ тюремъ и нѣсколько тюремныхъ замковъ.

IV.

Главное управленіе страной сосредоточено въ рукахъ министровъ. Въ Италіи считается девять министерствъ: министерства внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и вѣроисповѣданій, военное министерство, морское министерство, министерства финансовъ, земледѣлія и торговли, общественныхъ работъ и министерство народнаго просвѣщенія. Кромѣ того, есть еще высшее совѣщательное собраніе — государственный совѣтъ.

По значенію своему, министерство внутреннихъ дѣлъ занимаетъ, безъ сомнѣнія, одно изъ первыхъ мѣстъ. Въ немъ сосредоточивается, по преимуществу, вся внутренняя администрація страны. Въ административномъ отношеніи Италія раздѣляется на 60 провинцій; провинціи раздѣлены опять на 193 округа (*circondarii*); а округа на 1597 кантоновъ (*mandamenti*); эти кантоны въ свою очередь, раздѣляются на 7706 общинъ. Во главной провинціи стоитъ губернаторъ (генераль-интендантъ). Прежде при немъ былъ еще вице-губернаторъ, но съ прошлаго, 1861 года, эта должность уничтожена, какъ sineкура. Въ прежнее время генераль-интенданты управляли провинціей своей совершенно самовластно, и давали отчетъ въ своемъ управленіи одному только министру внутреннихъ дѣлъ; въ настоящее же время власть ихъ ограничивается провинціальными и муниципальными совѣтами, члены которыхъ замѣщаются по выбору. Въ каждой провинціи есть провинціальныи совѣтъ и, такъ называемая, провинціальная депутація. Совѣтъ имѣетъ отъ 20 до 60 членовъ, которые избираются по уѣздамъ общинными избирателями (см. ниже). Онъ собирается разъ въ годъ, и засѣданія его продолжаются около пятнадцати дней. Онъ самъ выбираетъ себя президента. При окончаніи каждой сессіи, онъ избираетъ изъ своей среды *просициальную депутацію*, которая должна замѣнить его въ промежутокъ сессій; эта депутація имѣетъ отъ

4 до 8 членовъ, избираемыхъ совѣтомъ; предѣтелемъ ея считается губернаторъ; полномочія ея простираются только на одинъ годъ, и въ сессію слѣдующаго года провинціальный совѣтъ назначаетъ новую депутацію. Независимо отъ этихъ провинціальныхъ совѣтовъ и депутацій, члены которыхъ избираются самими провинціями, въ каждой провинціи есть правительственный совѣтъ (совѣтъ префектуры), состоящій изъ пяти членовъ, которые назначаются министерствомъ. Въ округахъ (*circondarii*) представителемъ центральной власти служитъ интендантъ. Община имѣетъ общинный совѣтъ, который состоитъ изъ 15 до 60 членовъ, смотря по населенности общины, и муниципальную юнту, состоящую изъ синдика (мэра), нѣсколькихъ ассессоровъ (отъ двухъ до осьми) и четырехъ кандидатовъ. Всякій гражданинъ, достигшій 21 лѣтняго возраста, не лишенный права пользоваться гражданскими правами и платящій отъ 15 до 25 фр. податей (смотря по величинѣ общины), можетъ быть избирателемъ въ общинные и провинціальные совѣты; впрочемъ цензъ этотъ еще понижается въ тѣхъ случаяхъ, когда иначе въ общинѣ число избирателей не превышаетъ вдвое числа избираемыхъ; кромѣ того, получившіе высшее образование (*saracités*) вносятся въ избирательные списки безъ всякаго ценза. Засѣданія общиннаго совѣта бывають два раза въ годъ; онъ избираетъ на одинъ годъ членовъ муниципальной юнты; хотя эти выборы возобновляются каждый годъ, но членъ юнты можетъ быть избираемъ въ эту должность нѣсколько лѣтъ сряду; король (исполнительная власть) назначаетъ изъ ихъ среды синдика на три года.

Главное управленіе народнымъ образованіемъ находится въ рукахъ министра народнаго просвѣщенія. При немъ состоитъ особый совѣтъ, находящійся подъ его предѣтельствомъ и состоящій изъ пятнадцати членовъ: генераль-инспектора школъ въ государствѣ, девяти ординарныхъ и пяти экстраординарныхъ членовъ; и тѣ и другіе назначаются ко-

ролемъ: первые на всю жизнь, послѣдніе — на время. Университеты управляются университетскими совѣтами, которые, въ свою очередь, находятся подъ главнымъ вѣденіемъ министра. Изъ членовъ университетскаго совѣта назначаются особые окружные совѣты, которые имѣютъ главное наблюденіе за преподаваніемъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; отъ правительства назначается особый ректоръ, который, вмѣстѣ съ окружнымъ совѣтомъ, завѣдуетъ образованіемъ въ каждой провинціи. Для наблюденія за низшимъ, элементарнымъ обученіемъ, въ каждой провинціи есть *советъ элементарнаго образованія*; предѣтельство въ этомъ совѣтѣ принадлежитъ генераль-интенданту провинціи.

Во главѣ финансоваго управленія стоитъ министръ финансовъ. Прежде для контроля за финансовымъ управленіемъ страны, существовали должности генераль-прокуроровъ, генераль-контролеровъ финансовъ, существовали особыя казенныя палаты, назначаемыя отъ правительства; но, въ 1859 году, весь этотъ сложный, и все-таки недѣйствительный контрольный механизмъ былъ замѣненъ одною счетною палатою, которая наблюдаетъ за тѣмъ, чтобъ исполнительная власть дѣлала правильное употребленіе изъ вотированныхъ суммъ, и которая въ свою очередь отдаетъ парламенту отчетъ въ финансовомъ управленіи страны. Такимъ образомъ, финансовое управленіе подчинено строгому контролю народныхъ представителей. Послѣ соединенія разрозненныхъ частей Италіи въ одно цѣлое, новое итальянское правительство приняло конечно на себя всѣ долги прежнихъ правительствъ; но при этомъ представилась настоятельная необходимость объединить государственный долгъ и платимыя государствомъ ренты. Это было дѣло нелегкое: прежнія правительства Италіи имѣли множество самыхъ разнообразныхъ долговъ, по которымъ они платили самыя разнообразныя ренты (было 86 категорій различныхъ облигацій). Въ 1861 году эти долги были объединены и правительство назначило при

этомъ одну, общую, государственную, пятипроцентную ренту. Оно, конечно выбрало по возможности, высшую изъ существовавшихъ рентъ, для того чтобы нанести какъ можно менѣе ущерба частнымъ интересамъ. Правительство не могло не взять на себя долговъ прежнихъ отдѣльныхъ правительствъ; но такъ какъ часть этихъ долговъ была сдѣлана, для того, чтобы ими покрыть расходы на содержаніе въ Италіи иноземныхъ войскъ, то итальянскій парламентъ рѣшилъ, что частная собственность бурбонскаго и лотарингскаго домовъ въ Италіи должна впредь считаться собственностью націи и государства. Настоящій долгъ Итальянскаго королевства, составившійся изъ прежняго долга Сардинскаго королевства, изъ долговъ присоединенныхъ областей и изъ вновь заключенныхъ займовъ, составляетъ въ настоящее время около 3700 милл. лиръ (925 милл. руб. сер.). Бюджетъ Итальянскаго королевства (на 1862 годъ) представляетъ слѣдующія цифры: доходовъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ — около 531 милл. лиръ, расходовъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ — около 840 милл. лиръ; предполагаемый дефицитъ — 309 милл. лиръ. Обыкновенные доходы состояются изъ таможенныхъ доходовъ (40 проц.), прямыхъ налоговъ (около 28 проц.), косвенныхъ налоговъ (штемпельнаго сбора и пр.) — около 22 проц., дохода съ желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ и почтъ — около 6½ проц. и разныхъ доходовъ — 3½ проц. Изъ расходовъ большая часть идетъ на содержаніе военной — морской и сухопутной — силы, и за тѣмъ на уплату процентовъ по государственному долгу.

Военная служба обязательна для всякаго гражданина. Способъ рекрутированія, опредѣляемый сардинскою конституціей — конскрипція, которая будетъ теперь распространена и на прочія, вновь присоединенныя, области Итальянскаго королевства. Изъ числа молодыхъ людей, внесенныхъ въ списки извѣстное число (въ бывшемъ Сардинскомъ королевствѣ 9000, а въ настоящее время по 2 человѣка съ тысячи, т. е. около

45000 человѣкъ) поступаютъ ежегодно въ дѣйствительную службу (*levée annuelle, leva annua*). Каждый конскриптъ остается на службѣ одиннадцать лѣтъ: пять лѣтъ въ дѣйствительной службѣ, и шесть лѣтъ въ безсрочномъ отпуску. Другіе поступаютъ въ резервъ: они обязаны являться ежегодно въ опредѣленное мѣсто и тамъ они втеченіи 40 дней въ году, обучаются военному дѣлу. Резервъ можетъ быть потребованъ на службу только въ крайнихъ случаяхъ, когда государство подвергается непріятельскому нападенію. Прежде достаточно было простаго королевскаго декрета для того, чтобы призвать резервъ подъ знамена; но впоследствии опредѣлено было, что резервъ можетъ быть призванъ къ оружію не иначе, какъ въ силу особеннаго закона, утвержденного парламентомъ. Такъ какъ случаи призыва его весьма рѣдки, то законъ позволяетъ людямъ, состоящимъ въ резервѣ, жениться. Солдатъ служащій въ резервѣ обязанъ прослужить пять лѣтъ. Кромѣ того въ силу закона 1861 года о вооруженіи страны, въ Италіи существуетъ особая милиція, которая должна быть употребляема во время войны на защиту укрѣпленныхъ мѣстностей, на конвоированіе транспортовъ, и проч.; вообще, при учрежденіи ея имѣлось въ виду дать государству возможность не раздроблять во время войны правильной арміи, предоставивъ исполненіе всѣхъ второстепенныхъ обязанностей національной милиціи — подвижной гвардіи (*garde mobile*). Милиція должна состоять изъ 220 баталіоновъ, по 600 человѣкъ въ каждомъ, что составляетъ силу отъ 130 до 140 тысячъ человѣкъ; разъ или два въ годъ милиціонеры собираются для военныхъ упражненій дней на тридцать; на службу они могутъ быть призываемы не иначе, какъ въ военное время, и остаются на службѣ не далѣе 6-ти мѣсяцевъ послѣ прекращенія войны. Эта милиція должна составляться изъ гражданъ, которые имѣютъ отъ 21 до 35 лѣтъ отъ роду, и которые входятъ въ составъ національной гвардіи (см. ниже); правительство объ-

явило при представленіи этого закона, что при назначеніи извѣстнаго ценза для поступленія въ милицію, оно не желало лишать пролетаріевъ права защищать страну, а не хотѣло только отрывать ихъ отъ ихъ ежедневнаго труда, доставляющаго имъ пропитаніе. Италия имѣетъ въ мирное время правильную армію въ 242,000 человѣкъ; въ военное время, съ призывомъ безерочно-отпускныхъ, численность ея возвышается до 380 тысячъ человѣкъ; кромѣ того резервъ ея составляетъ отъ 200 до 210 тысячъ человѣкъ, а милиція отъ 130 до 140 тысячъ. Главное управленіе военными силами страны принадлежитъ военному министру. Правильная армія раздѣлена на 6 военныхъ командованій (корпусовъ); каждый корпусъ состоитъ изъ трехъ дивизій (по 4 полка пѣхоты и по 2 баталіона берсальеровъ въ каждой), изъ трехъ полковъ кавалеріи, и отъ 6 до 9 батарей артиллеріи. Кромѣ того есть еще резервныя кавалерійская и артиллерійская дивизіи; при всемъ этомъ соотвѣтствующее количество спеціальнаго рода войскъ (инженеровъ, пионеровъ, гидовъ и проч.). Высшая военно-судная часть находится въ рукахъ *военнаго генералъ-аудитора*; въ каждой дивизіи есть военный аудиторъ. При морскомъ министрѣ, завѣдывающемъ всѣми морскими силами страны, состоитъ адмиралтейскій совѣтъ. Все морское управленіе страны раздѣлено на три департамента:—сѣверный департаментъ—отъ Генуи до Тосканы (управленіе его въ Генуѣ); южный—западно-неаполитанскій берегъ съ Сицилією (управленіе его въ Неаполѣ), и адриатическій (управленіе въ Анконѣ). Каждый изъ этихъ департаментовъ имѣетъ особеннаго начальника—морскаго префекта. Италия имѣетъ въ настоящее время 98 военныхъ судовъ съ 1335 пушекъ.

Рядомъ съ военною силою страны, правильно постоянною армією, резервомъ, милиціей и военнымъ флотомъ—которые имѣютъ назначеніемъ защищать страну отъ внѣшнихъ враговъ,—въ Италіи существуетъ еще національная гвардія,

которая, какъ говоритъ конституція, учреждена «для защиты монархіи и правъ, освященныхъ статутами, для поддержанія повиновенія закону, для охраненія общественной безопасности и порядка, и для возстановленія этого порядка въ случаѣ нарушенія его». Кромѣ того, конституція возлагаетъ на національную гвардію обязанность помогать, въ случаѣ надобности арміи, въ защитѣ сухопутныхъ границъ государства и морскихъ береговъ, и вообще заботиться о цѣлости и независимости государства. Но въ такомъ случаѣ служба ея не можетъ продолжаться болѣе одного года. Национальная гвардія должна, по смыслу конституціи, имѣть характеръ строго консервативный; всякія пренія ея относительно общихъ дѣлъ государства и принятіе рѣшеній по этимъ дѣламъ считаются преступленіемъ противъ государства; она должна только защищать порядокъ, основанный конституцією, и не вступать въ пренія о достоинствахъ или недостаткахъ его. Поступающій въ національную гвардію долженъ имѣть отъ роду отъ 21 до 55 лѣтъ и быть итальянскимъ подданнымъ; но въ видахъ усиленія консервативнаго характера ея, устанавливается извѣстный цензъ для поступленія въ національную гвардію; именно въ нее можетъ поступать только тотъ, кто платитъ податей отъ *триехъ до двадцати* лиръ въ годъ, смотря по численности общины. Совершенно освобождены отъ службы въ національной гвардіи: духовенство, консулы, чины арміи и флота, и вообще всѣ находящіеся на службѣ государства и общества, начиная отъ министра до полевого сторожа (*garde-champêtre*) и почтальона. Национальная гвардія дѣлится на дѣйствующую національную гвардію и резервъ, смотря по величинѣ податей, платимыхъ гражданами; въ резервъ могутъ поступать въ случаѣ надобности и тѣ граждане, которые платятъ менѣе 3 лиръ податей, но за то они не имѣютъ постояннаго вооруженія. Национальная гвардія, какъ учрежденіе гражданское а не военное, находится подъ вѣденіемъ установленныхъ конститу-

цій гражданскихъ, административныхъ властей: синдика общины, окружнаго интенданта, генераль-интенданта и министра внутреннихъ дѣлъ. Подъ начальство военныхъ лицъ она переходитъ только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда она, вмѣстѣ съ арміей, употребляется для защиты страны отъ внѣшнихъ враговъ; но для этого нужно всегда особое постановленіе парламента. Начальствующія лица, до капитана включительно избираются самими гвардейцами; что же касается до начальниковъ ея выше капитанскаго чина, то національные гвардейцы составляютъ списки своихъ кандидатовъ, и потомъ король избираетъ изъ этихъ списковъ тѣхъ, кого онъ желаетъ назначить начальниками; начальствующія лица избираются на 5 лѣтъ. Національная гвардія раздѣляется на роты, баталіоны и легіоны; каждая изъ этихъ частей имѣетъ своего начальника; но постоянного общаго начальника всей національной гвардіи не бываетъ; онъ назначается только въ особенныхъ случаяхъ, и въ такомъ случаѣ это назначеніе происходитъ непосредственно отъ короля. Національная гвардія одѣвается и содержится на свой счетъ; только оружіе она получаетъ отъ правительства. Она не должна собираться съ оружіемъ иначе, какъ по приказанію своихъ начальниковъ, и тѣ должны давать это приказаніе не иначе, какъ по требованію гражданскихъ властей. Національная гвардія исполняетъ службу только въ своей общинѣ; она можетъ быть употреблена на службу внѣ своей общины только въ видѣ исключенія, въ экстренныхъ случаяхъ (напр. въ случаѣ преслѣдованія разбойниковъ и проч.), въ такомъ случаѣ служба ихъ внѣ предѣловъ общины можетъ продолжаться не долѣе какъ отъ 10 до 60 дней, смотря по тому, отъ какой власти исходитъ повелѣніе дѣйствовать за предѣлами общины. Полагаютъ, что національная гвардія въ Италіи составляетъ около 10 процентовъ всего мужскаго населенія, т. е. около 1,200,000 человекъ.

КОНСТИТУЦІЯ ГОЛЛАНДІИ *).

I.

Въ Европѣ нѣтъ можетъ быть ни одной страны, которая такъ рано познакомилась съ конституціонными учрежденіями, какъ Голландія. Эта страна населена была въ древности батавами и фризами, которые въ концѣ VIII столѣтія покорены были Карломъ Великимъ. Покоривши ихъ, Карлъ Великій раздѣлилъ владѣнія ихъ на графства, и надъ всѣми графами поставилъ одного герцога—герцога фризскаго. Но при преемникахъ Карла графы фризскіе отложились отъ франкской монархіи, и стали по большей части независимыми владѣтелями; внослѣдствіи они всѣ были покорены однимъ, который сталъ называться графомъ голландскимъ. Это маленькое государство отличилось тѣмъ отъ остальной Европы, что въ немъ феодализмъ получилъ очень малое развитіе, и что въ немъ съ самаго начала его исторіи большую роль

*) *Politz*—Die europäischen Verfassungen seit dem Jahre 1789. *Dufau, Duvergier et Gaudet* — Collection des Constitutions, etc. *Van Hasselt*—La Belgique et la Hollande. — *Annuaire des deux Mondes*, tomes 1—XI, depuis 1850 — 1861.

играетъ община. Это объясняется тѣмъ, что слабые государи Голландіи принуждены были искать въ городскихъ и сельскихъ общинахъ опоры противъ феодаловъ, и старались пріобрѣтать ихъ расположеніе; обькновенно при вступленіи своемъ на престолъ (или когда они нуждались въ деньгахъ), графы давали общинамъ извѣстныя привилегіи; общины потомъ уже крѣпко держались за эти привилегіи и не позволяли графамъ отступать отъ нихъ; онѣ всегда имѣли возможность дѣлать это, такъ какъ онѣ были богаты, и имѣли въ своихъ рукахъ значительныя средства. Въ Голландіи мы не видимъ того тяготившаго феодальнаго дворянства надъ прочими сословіями, которое замѣчается повсюду въ остальной Европѣ; къ тому же дворянство было здѣсь гораздо менѣе многочисленно, нежели въ другихъ странахъ, потому что сначала бѣдная по природѣ земля фризовъ менѣе привлекала завоевателей, нежели другія области; потомъ усилившіяся общины не давали дворянамъ столько простора, какъ въ другихъ странахъ, и поэтому они неохотно селились здѣсь. Общины уже рано получили право предъявлять государю свои нужды и давать свои совѣты, наравнѣ съ дворянствомъ и духовенствомъ; уже въ XI и XII вѣкѣ мы видимъ такъ называемые феодальные парламенты, превращенные вслѣдствіе присутствія въ нихъ депутатовъ отъ общинъ въ генеральные штаты. Значеніе этихъ генеральныхъ штатовъ было такъ велико, что напр. въ 1203 г. одна изъ графинь Голландіи была свергнута съ престола за то, что вышла замужъ безъ согласія штатовъ. Въ первой половинѣ XV столѣтія всѣ Нидерланды, какъ сѣверныя провинціи (Голландія, Зеландія, Фризія) такъ и южныя (Фландрія, Брабантъ, Люксембургъ), вслѣдствіе брачныхъ и другихъ родственныхъ союзовъ перешли къ герцогу бургундскому Филиппу доброму, а послѣ него къ сыну его, Карлу смѣлому. Говоря о бельгійской конституціи, мы уже сказали нѣсколько словъ о судьбѣ этихъ провинцій подъ властью Карла смѣлаго, его дочери

Маріи, внука его Филиппа красиваго и его правнука — Карла V, императора германскаго. Мы сказали, что во все это время онѣ сохранили почти неприкосновенными всѣ свои старинныя права и вольности. Максимилианъ австрійскій, опекунъ своего малолѣтняго сына Филиппа и правитель страны, пытался было ограничить эти права въ пользу монархической власти. Но граждане города Брюгге, дѣйствуя именемъ фландрскихъ чиновъ, взяли его въ плѣнъ, соблюдая однакоже полное къ нему уваженіе; они казнили нѣкоторыхъ изъ его совѣтниковъ, и не прежде выпустили его самага, пока онъ не поклялся уважать права страны, не касаться власти штатовъ и проч. Даже могущественный Карлъ V почти не коснулся учреждений Нидерландовъ и не произвелъ значительныхъ перемѣнъ во внутреннемъ устройствѣ ихъ. Въ 1549 году, посовѣтовавшись съ провинціальными штатами отдѣльныхъ провинцій, онъ издалъ законъ, въ силу котораго 17 нидерландскихъ провинцій (штатовъ) объявлены были нераздѣльнымъ и наследственнымъ владѣніемъ его дома; но каждая изъ нихъ сохранила свою внутреннюю самостоятельность, свое собственное самоуправленіе; онѣ представляли нѣкоторымъ образомъ федерацію государствъ (Staatenbund), имѣвшихъ одного общаго государя, но въ тоже время вполне децентрализованныхъ относительно внутренняго управления. Власть оставалась въ рукахъ провинціальныхъ штатовъ, а общее собраніе выборныхъ отъ всѣхъ штатовъ, нѣсколько разъ созываемое при Карлѣ V, имѣло болѣе совѣщательный характеръ. Власть перваго министра Нидерландовъ (великаго канцлера, а впоследствии президента тайнаго совѣта) была болѣе номинальная, нежели дѣйствительная. Извѣстно, какимъ религіознымъ и политическимъ гоненіямъ подверглись Нидерланды при сынѣ Карла V, Филиппѣ II, и какимъ образомъ произошло возстаніе всѣхъ Нидерландовъ, приведшее въ 1579 году (29 января), къ образованію утрехтскаго союза, вслѣдствіе кото-

раго семь сѣверныхъ провинцій Нидерландовъ (Голландія, Зеландія, Гельдернъ, Утрехтъ, Фрисландія, Оберъ-Иссель и Гронингенъ) отдѣлились отъ десяти южныхъ, оставшихся подъ властью испанцевъ, и образовали голландскую республику, первымъ президентомъ которой былъ Вильгельмъ оранскій. Первая конституція голландской республики создана была въ такое время, когда только что образовавшееся государство вело еще борьбу на жизнь и на смерть съ прежними своими властителями — испанцами. Поэтому явилась необходимость сосредоточить довольно значительную власть на одномъ лицѣ — президентѣ республики или штатгальтерѣ; онъ считался начальникомъ войска и флота, главнымъ органомъ исполнительной власти, и вообще имѣлъ, собственно говоря, значеніе конституціоннаго монарха, только безъ королевскаго титула. Но несмотря на довольно значительную власть, сосредоточенную въ рукахъ штатгальтера, нельзя сказать, чтобы въ Нидерландахъ управление было слишкомъ централизовано; децентрализація во внутреннемъ управленіи страны была такъ значительна, что въ этомъ отношеніи Голландія продолжала представлять не одну республику, а скорѣе союзъ нѣсколькихъ республикъ. Каждая изъ семи провинцій имѣла провинціальныя штаты, которые занимались дѣлами, касающимися исключительно только этой провинціи; вопросы, имѣющіе общій интересъ, рѣшались такъ назыв. генеральными штатами. Сначала въ составъ этихъ генеральныхъ штатовъ входили почти все члены провинціальныя штатовъ; они собирались очень рѣдко, потому что многочисленность депутатовъ (число ихъ доходило иногда до 800) дѣлала засѣданія ихъ очень продолжительными и затруднительными. Когда это собраніе не засѣдало, его замѣнялъ государственный совѣтъ, и наблюдалъ за исполненіемъ декретовъ. Но провинціямъ показалось, что такой порядокъ благопріятствуетъ деспотизму: онѣ потребовали, чтобы провинціальнымъ штатамъ предоставлено было право избирать,

изъ своей среды, постоянную комиссію, которая замѣняла бы общее собраніе ихъ; съ тѣхъ поръ эта выборная комиссія стала засѣдать въ Гаагѣ, подъ именемъ генеральныхъ штатовъ. Штатгальтеръ же собственно былъ ничто иное, какъ начальникъ военныхъ и сухопутныхъ силъ республики; и кромѣ того каждая провинція вручала ему ту долю исполнительной власти, которую она считала возможною и необходимою вручить ему; одна провинція могла вручить ему болѣшую власть нежели другая. Послѣ утвержденія независимости Голландіи (1609 и 1648), учрежденія этой страны неоднократно мѣнялись, смотря по тому, какая партія одерживала верхъ — партія ли конституціонно-монархическая (штатгальтерская), или партія республиканская. Такъ напр. въ эпоху господства послѣдней, въ 1667 году, изданъ былъ законъ (такъ назыв. *въчный эдиктъ*), по которому право назначать должностныхъ лицъ предоставлялось исключительно провинціямъ и общинамъ. Когда въ 1672 году произошла реакція противъ этой партіи, *въчный эдиктъ* объявленъ былъ уничтоженнымъ; штатгальтерство и званіе главнаго начальника надъ арміею и флотомъ объявлены были наследственными въ домѣ оранскомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ штатгальтеру предоставлено было право назначать всехъ должностныхъ лицъ въ трехъ провинціяхъ — Гельдернѣ, Оберъ-Исселѣ и Утрехтѣ; — въ остальныхъ четырехъ провинціяхъ провинціальныя штаты были вполнѣ преданы ему. Такимъ образомъ республика превратилась въ монархію, въ которой монархъ (не носившій только имени короля) былъ облеченъ очень обширными правами. Законъ, установившій этотъ порядокъ, извѣстенъ подъ именемъ *регламента* 1674 года. Въ 1702 году, послѣ смерти Вильгельма III, штатгальтерство было уничтожено и восстановленъ въчный эдиктъ 1667 года. Но въ 1742 году штатгальтерство было опять восстановлено и съ этихъ поръ, учрежденія Голландіи стали превращаться постепенно изъ республиканскихъ въ монархическія, даже безъ

конституціоннаго характера. Народъ пробовалъ было въ началѣ 80-хъ годовъ XVIII столѣтія возстать за свои права, но былъ побѣжденъ, при помощи прусскихъ войскъ. Наконецъ французская революція произвела совершенный переворотъ и въ учрежденіяхъ Голландіи, какъ и въ учрежденіяхъ другихъ, сосѣднихъ съ Франціею странъ, и въ теченіе 20 лѣтъ (съ 1795 по 1815 годъ), Голландія должна была перемѣнить не одну форму правленія, изъ которыхъ каждая имѣла свои особенные законы и учрежденія. Со вступленіемъ французскихъ войскъ въ Голландію и съ удаленіемъ штатгальтера въ Англію (1795), штатгальтерство объявлено было уничтоженнымъ, и Голландія превращена была въ батавскую республику. Затѣмъ занялись составленіемъ конституціи для батавской республики; но голландцы, принявшіе за дѣло съ обычною своею флегмою и медлительностью, употребили на это дѣло не менѣе трехъ лѣтъ; конституція была провозглашена не ранѣе 23-го апрѣля 1798 года. Эта конституція была ничто иное, какъ сколокъ съ французской конституціи 1795 года (третьей), и Батавская республика получила почти такое же устройство, какое Франція имѣла при директоріи. У нея была своя директорія, состоявшая изъ пяти членовъ, свой *совѣтъ пятисотъ* (состоявшій впрочемъ по численности страны только изъ 60 членовъ) и свой *совѣтъ старѣйшинъ*, состоявшій изъ 30 членовъ. Но съ введеніемъ во Франціи консульства, конституція Голландіи была передѣлана на манеръ французской конституціи 1799 года (четвертой). Въ силу конституціи 16-го октября 1801 года правительственный совѣтъ Голландіи долженъ былъ состоять изъ 12 членовъ, и государственный (законодательный) совѣтъ изъ 35 членовъ; вся страна раздѣлена была на 8 департаментовъ. Послѣ утвержденія во Франціи императорской власти Голландія получила новую конституцію (1805), по которой исполнительная власть вручена была одному лицу — великому пенсіонарію страны, и число членовъ государствен-

наго совѣта ограничено было 19-ю; а въ 1806 году, съ превращеніемъ Голландіи въ королевство и съ назначеніемъ королемъ голландскимъ Людовика-Бонапарте, эта страна получила *четвертую* конституцію (7-го августа 1806 года). Послѣ отреченія Людовика-Бонапарте отъ голландской короны, Голландія декретомъ 9-го іюля 1810 года присоединена была къ Франціи, и вѣлѣдствіе этого въ ней введены были французскія учрежденія (пятая перемѣна втеченіе пятнадцати лѣтъ). Послѣ того, какъ французы должны были удалиться изъ Голландіи въ концѣ 1813 года, принцъ оранскій возвратился въ Амстердамъ (2-го декабря), принялъ титулъ князя-правителя Нидерландовъ и обѣщаль управлять страной подъ гарантіею конституціи, которая обезпечивала бы права и свободу Нидерландцевъ. Съ этою цѣлью онъ созвалъ къ 28-му марта 1814 года лучшихъ людей (нотаблей) нидерландскихъ провинцій, и предложилъ имъ на обсужденіе проэктъ конституціи. Нотабли приняли проэктъ этотъ огромнымъ большинствомъ 575 голосовъ противъ 25; но и эти послѣдніе не отвергали его безусловно, а требовали только нѣкоторыхъ измѣненій. — Но еще прежде, нежели этотъ проэктъ превратился въ дѣйствительность, былъ заключенъ первый парижскій миръ (30-го мая 1814 года), по которому рѣшено было отдѣлить 10 бельгійскихъ провинцій отъ Франціи и соединить ихъ съ Голландіею, подъ властью оранскаго дома. 16-го марта 1815 года принцъ-регентъ Нидерландовъ принялъ съ согласія европейскихъ державъ, собранныхъ на вѣнскомъ конгрессѣ, титулъ: «Вильгельмъ I, король нидерландскій и герцогъ люксембургскій.» Послѣ присоединенія Бельгіи къ Нидерландамъ, король Вильгельмъ созвалъ нотаблей бельгійскихъ провинцій (8-го августа 1815) и предложилъ имъ рассмотреть проэктъ конституціи, рассмотрѣнный и одобренный уже голландскими нотаблями, произвести въ немъ необходимыя перемѣны, и затѣмъ также утвердить его бельгійцами. Но во-первыхъ цѣлая шестая часть

нотаблей не явилась вовсе на призывъ короля; а изъ собравшихся нотаблей 796 высказались противъ конституціи, и только 527 за нее. Но король объявилъ подобный результатъ слѣдствіемъ происковъ католическаго духовенства Бельгіи, (что впрочемъ было отчасти справедливо), и по соединеніи голосовъ бельгійскихъ нотаблей съ голосами голландскихъ нотаблей, конституція принята была для всего королевства большинствомъ 1102 голосовъ противъ 821. Основываясь на этомъ большинствѣ, правительство, несмотря на несогласіе бельгійскихъ нотаблей, постановленіемъ своимъ 24-го августа 1815 года объявило новую конституцію основнымъ закономъ для всего королевства. Въ этомъ объявленіи своемъ король говоритъ между прочимъ: «мы рѣшились провозгласить эту конституцію для всѣхъ нашихъ подданныхъ частью потому, что она принята сѣверными голландскими провинціями, частью потому, что принципы религіозной равноправности, легшіе въ основу ея, основываются сами на международныхъ трактатахъ, принятыхъ прочими европейскими державами, и не могли бы быть уничтожены безъ ущерба для существованія монархіи. Конституція 1815 года легла главнымъ образомъ, въ основаніе современныхъ учреждений Голландіи. Въ 1848 году эта конституція была пересмотрѣна, измѣнена въ либеральномъ смыслѣ и обнародована въ измѣненномъ видѣ 3-го ноября 1848 года. Современная конституція носитъ названіе конституціи 1848 года; но она есть ничто иное, какъ нѣсколько переделанная конституція 1815 года. Поэтому при изложеніи учреждений Голландіи, мы будемъ придерживаться преимущественно учрежденія 1815 года, внося въ наше изложеніе тѣ перемѣны, которыя совершены были въ голландскихъ учрежденіяхъ, какъ до 1848 года, такъ и въ этомъ году, и въ послѣдующую за тѣмъ эпоху, до самаго послѣдняго времени.

II.

Въ голландской конституціи мы находимъ почти точно такое же опредѣленіе общихъ правъ и обязанностей всѣхъ подданныхъ, какъ и въ прочихъ европейскихъ конституціяхъ. Всякій иностранецъ, находящійся на голландской территоріи, пользуется защитой, оказываемой личности и имуществу. Всѣ граждане равны передъ закономъ; всѣ граждане безразлично имѣютъ доступъ къ государственнымъ должностямъ, если только они не лишены по приговору суда пользования гражданскими правами. Но никто не можетъ быть членомъ генеральныхъ штатовъ, главою или членомъ главнаго управленія, государственнымъ совѣтникомъ, комиссаромъ короля въ провинціяхъ или членомъ верховнаго судилища, если онъ не родился въ Голландіи или въ ея колоніяхъ, если онъ не происходитъ отъ родителей, жившихъ въ королевствѣ (исключеніе изъ этого правила дѣлается для тѣхъ, которые родились во время временнаго отсутствія родителей изъ предѣловъ королевства). Каждый гражданинъ имѣетъ право подавать прошенія отъ своего имени, а не отъ имени многихъ; послѣднее дозволяется только корпораціямъ, признаннымъ правительствомъ. Законъ гарантируетъ каждому гражданину мирное пользованіе его имуществомъ и никто не можетъ быть лишенъ своего имущества; исключеніе допускается только въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требуютъ интересы общества и государства; въ такомъ случаѣ ему должно быть доставлено извѣстное, опредѣленное закономъ, вознагражденіе. Всѣ граждане должны платить налоги, и въ этомъ отношеніи не допускаются никакія исключенія; но ни одинъ налогъ не можетъ быть назначенъ безъ особеннаго закона. Печать свободна. Статья 227-я конституція и дѣлаетъ слѣдующее постановленіе объ этомъ предметѣ: «такъ какъ печать является лучшимъ средствомъ къ распространенію просвѣщенія и свѣдѣній, то всякій можетъ пользоваться ею для выраженія своихъ

мыслей, не нуждаясь въ предварительномъ разрѣшеніи. Но авторы, издатели, типографщики и продавцы книгъ отвѣчаютъ за тѣ сочиненія, въ которыхъ нанесенъ ущербъ интересамъ общества или отдѣльной личности. Конституція гарантируетъ всякому голландскому подданному неприкосновенность его жилища: никто не можетъ войти въ жилище другаго, если тотъ этого не пожелаетъ; исключенія допускаются только въ тѣхъ случаяхъ, если это предписано такимъ лицомъ, за которымъ конституція признаетъ право давать подобныя предписанія (напр. судьей). Всякому гарантирована полная свобода религиозныхъ убѣжденій: всѣ вѣроисповѣданія, существующія въ королевствѣ, пользуются одинаковою защитою законовъ; всѣ подданные короля, независимо отъ религиозныхъ вѣрованій, пользуются одинаковыми гражданскими и политическими правами, и имѣютъ одинаковый доступъ ко всѣмъ званіямъ и должностямъ. Всѣ богослуженія могутъ быть совершаемы публично, исключая тѣхъ случаевъ, гдѣ при совершеніи его нарушается порядокъ и общественное спокойствіе. Государство гарантируетъ различнымъ неповѣданіямъ и ихъ служителямъ то содержаніе и пенсіи, которыми всѣ они пользуются. Впослѣдствіи, а именно въ 1853 году, къ этимъ постановленіямъ конституціи были прибавлены нѣкоторыя постановленія, которыя отчасти ограничиваютъ свободу неповѣданій. Хотя первая статья этого новаго закона и провозглашаетъ полную религиозную свободу, однако далѣе слѣдуютъ нѣкоторыя ограниченія: такъ напр. сказано, что организація разныхъ вѣроисповѣданій должна быть одобрена государствомъ; духовныя должности не могутъ быть учреждаемы безъ согласія правительства. Къ статьѣ конституціи, въ которой сказано, что всякое вѣроисповѣданіе должно соблюдать послушаніе къ законамъ государства, прибавлено постановленіе о томъ, что король имѣетъ право требовать особенную присягу въ вѣрности и послушаніи отъ тѣхъ духовныхъ лицъ, которыя приносятъ еще другую присягу, мо-

гущую быть опасной для государства. Иностранцы не могутъ быть допущены къ исправленію духовныхъ должностей, безъ согласія правительства (въ этихъ двухъ послѣднихъ постановленіяхъ очевидно имѣлось въ виду ограничить вліяніе Рима, вытекающее изъ отношеній его къ католическому духовенству).

Относительно общественнаго образованія конституція заключаетъ только одно общее постановленіе о томъ, что народное образованіе должно быть предметомъ особенной заботливости правительства, и что генеральнымъ штатамъ ежегодно долженъ быть представляемъ отчетъ о положеніи школъ. Болѣе точнымъ образомъ дѣло народнаго образованія (именно первоначальнаго) было опредѣлено особеннымъ закономъ 1857 года. Этотъ законъ постановляетъ, что право основывать школы принадлежитъ всякому гражданину; впрочемъ онѣ должны находится подъ наблюденіемъ властей. Въ каждой общинѣ должно быть основано достаточное количество школъ для первоначальнаго обученія; *онѣ должны быть доступны дѣтямъ вслѣдъ вѣроисповѣданій, безразлично.* При обсужденіи этой статьи закона поднялась весьма сильная оппозиція, требовавшая особенныхъ школъ для дѣтей различныхъ вѣроисповѣданій; ультра-католики и ультра-протестанты соединились вмѣстѣ для того, чтобы оспаривать мысль о смѣшанныхъ школахъ; правительство сочло нужнымъ сдѣлать нѣкоторую уступку этой оппозиціи, и вопреки мнѣнію либераловъ включило въ законъ статью о томъ, что въ тѣхъ общинахъ, гдѣ родители не согласятся на учрежденіе смѣшанныхъ школъ, тамъ съ участіемъ правительства должны быть основаны отдѣльныя школы для дѣтей разныхъ исповѣданій. Религиозное образованіе въ смѣшанныхъ школахъ должно быть предоставлено учителямъ различныхъ вѣроисповѣданій внѣ школьныхъ часовъ; учителя этихъ школъ должны воздерживаться отъ того, что можетъ оскорбить религиозное чувство учениковъ. Законъ этотъ оканчивается тѣмъ, что вооб-

ще воспитаніе должно быть направлено къ развитію въ ученикахъ религіозныхъ добродѣтелей.

III.

Въ Голландіи, какъ во всякой конституціонной странѣ, мы видимъ строгое отдѣленіе властей исполнительной, законодательной и судебной. Исполнительная власть принадлежитъ королю, его министрамъ и назначаемымъ ими чиновникамъ. Власть королевская принадлежитъ оранскому дому, въ мужескомъ и женскомъ колѣнѣ, и въ случаѣ прекращенія его—ближайшимъ его наслѣдникамъ. Король нидерландскій не можетъ носить другой короны; мѣстопробываніе правительства ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть перенесено внѣ предѣловъ королевства. Если королева нидерландская выходитъ за мужъ безъ согласія штатовъ, то это равносильно отреченію ея отъ престола; равнымъ образомъ не имѣетъ права на престолонаслѣдіе принцесса, вышедшая прежде того замужъ безъ согласія штатовъ. По конституціи 1815 года, *liste civile* короля опредѣлена была въ 2,400,000 гульденовъ; въ 1840 году, послѣ отпаденія Бельгіи, она была уменьшена почти на 1 милліонъ гульденъ и опредѣлена въ 1½ милліона; теперь же она составляетъ не болѣе 800,000 гульденовъ. Кромѣ, того король и члены его семейства могутъ имѣть частную собственность въ странѣ; но какъ частные собственники они не избавлены отъ поземельной подати и другихъ налоговъ, лежащихъ на этой собственности. Король считается совершеннолѣтнимъ по достиженіи 18-лѣтняго возраста; во время малолѣтства его власть королевская принадлежитъ регенту, назначеніе котораго должно быть утверждено генеральными штатами. Регентство учреждается также для тѣхъ случаевъ, когда король не можетъ самъ управлять страной; но это можетъ быть сдѣлано не иначе, какъ съ согласія генеральныхъ шта-

товъ, созванныхъ притомъ въ удвоенномъ числѣ (удвоенное число членовъ генеральныхъ штатовъ требуется также для тѣхъ случаевъ, когда по какимъ либо обстоятельствамъ приходится дѣлать измѣненія въ престолонаслѣдіи). Король при вступленіи своемъ на престолъ, приноситъ присягу въ томъ, что онъ не нарушитъ ни одной статьи конституціи и будетъ заботиться о безопасности и благосостояніи королевства; затѣмъ онъ принимаетъ присягу въ вѣрности отъ генеральныхъ и провинціальныхъ штатовъ (отъ послѣднихъ черезъ особаго депутатаціи). *Король пользуется слдующими, весьма обширными*, прерогативами: онъ управляетъ внѣшними сношеніями, назначаетъ и смѣняетъ посланниковъ и консуловъ; онъ объявляетъ войну и заключаетъ миръ, сообщая о томъ генеральнымъ штатамъ; онъ заключаетъ договоры (но договоры, въ которыхъ уступается или обмѣнивается какая нибудь провинція королевства, не могутъ быть заключены безъ согласія штатовъ. Королю принадлежитъ начальство надъ военными и сухопутными силами). Онъ назначаетъ и увольняетъ офицеровъ и опредѣляетъ имъ пенсіи, если они имѣютъ на то право. Ему принадлежитъ также верховное управленіе финансами страны; онъ опредѣляетъ окладъ жалованья чиновникамъ (кромѣ судебнымъ) и эти оклады вносятся въ бюджетъ*). Онъ имѣетъ право чеканить монету съ своимъ изображеніемъ. Онъ возводитъ въ дворянское достоинство; онъ учреждаетъ ордена, роздаетъ ордена и прочія награды, даетъ разрѣшеніе на принятіе иностранныхъ орденовъ и другихъ почестей. Королю принадлежитъ право помилованія, по представленію верховнаго судилища. Король разрѣшаетъ несогласія, могущія произойти между различными провинціями; онъ предлагаетъ генеральнымъ штатамъ проекты законовъ и можетъ дѣлать имъ другія предложенія; онъ можетъ утвердить или отвергать предложенія,

*) Но они могутъ быть утверждены или не утверждены генеральными штатами.

которыя ему дѣлаютъ генеральныя штаты. Особа короля неприкосновенна и лично онъ не подвергается никакой отвѣтственности. При королѣ находится совѣщательное собраніе—государственный совѣтъ. По конституціи 1815 года онъ долженъ былъ состоять изъ 24-хъ членовъ; но вслѣдствіе уменьшенія территоріи королевства, послѣ отпаденія Бельгіи, число членовъ его ограничено 12-ю. Члены его должны быть избираемы по возможности изъ различныхъ провинцій. Король предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ, и назначаетъ одного изъ членовъ его вице-президентомъ; наслѣдный принцъ считается, по достиженіи совершеннолѣтія, членомъ государственнаго совѣта. Король подвергается обсужденію совѣта всѣ предложенія, которыя онъ намѣренъ сдѣлать штатамъ, или которыя сдѣланы ему штатами; равнымъ образомъ онъ подвергается обсужденію его всѣ важнѣйшія мѣры по внутреннему управленію королевства и его колоній. При обнародованіи каждаго новаго закона объявляется, что онъ былъ предложенъ на обсужденіе государственнаго совѣта. Управленіе страню король поручаетъ министрамъ; онъ назначаетъ и увольняетъ министровъ; онъ можетъ пригласить одного или нѣкоторыхъ изъ нихъ къ участию въ расужденіяхъ государственнаго совѣта. Члены государственнаго совѣта и министры приносятъ присягу въ вѣрности основному закону. Въ голландской конституціи 1815 года, мы находимъ одинъ важный пробѣлъ: она не устанавливаетъ отвѣтственности министровъ. Но пробѣлъ этотъ былъ пополненъ конституціей 1848 года, которая объявляетъ министровъ отвѣтственными передъ народными представителями. Въ Голландіи существуетъ 9 министерствъ: иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, юстиціи, военное министерство, морское министерство, министерства колоній, протестантскаго исповѣданія и католическаго исповѣданія.

IV.

Законодательная власть принадлежитъ тремъ факторамъ? королю и двумъ палатамъ генеральныхъ штатовъ. Генеральныя штаты служатъ представителями націи, и состоятъ изъ двухъ палатъ. По конституціи 1815 года, первая палата должна была состоять изъ 58 членовъ, а вторая изъ 110, распределенныхъ по различнымъ провинціямъ. Вслѣдствіе отпаденія Бельгіи, число это было ограничено въ 1840 году 20-ю членами для первой, и 40 членами для второй палаты; но въ настоящее время число членовъ первой палаты увеличено опять до 39, а число членовъ второй до 68. Вслѣдствіе отпаденія Бельгіи отмѣнена также та статья конституціи, въ которой говорится, что засѣданія штатовъ должны происходить поочередно то въ одномъ изъ городовъ сѣверныхъ, то въ одномъ изъ городовъ южныхъ провинцій. Никто не можетъ быть въ одно и то же время членомъ обѣихъ палатъ. Министры имѣютъ доступъ въ обѣ палаты; но право голоса они имѣютъ только въ томъ случаѣ, когда они избраны членами палатъ. Члены генеральныхъ штатовъ не могутъ быть въ то же время членами счетной палаты; они также не могутъ быть членами провинціальныхъ штатовъ. Каждая палата повѣряетъ полномочія своихъ членовъ и назначаетъ своего секретаря. Палаты должны быть созываемы по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ годъ; обыкновенныя ихъ засѣданія должны быть открываемы въ 3-й понедѣльникъ октября мѣсяца; они продолжаются не менѣе двадцати дней (кромя случаевъ распушенія палатъ). Король открываетъ засѣданія палатъ или лично, или черезъ своего комиссара; король же закрываетъ ихъ, когда онѣ окончили всѣ дѣла, подлежащія ихъ разсмотрѣнію. Король имѣетъ право распускать палаты, или вмѣстѣ, или порознь. Кромѣ обыкновенныхъ засѣданій, палаты собираются по приглашенію короля еще въ засѣданія чрезвычайныя, когда того потребуютъ особенныя

обстоятельства. Послѣ смерти короля палаты собираются въ чрезвычайное засѣданіе безъ всякаго приглашенія; въ этомъ случаѣ, равно какъ и въ случаяхъ назначенія опеки, регентства и пр., обѣ палаты составляютъ только одно собраніе, въ которомъ предсѣдательство принадлежитъ президенту первой палаты. Ни одна палата не можетъ постановить рѣшенія, если нѣтъ на лицо половины ея членовъ; рѣшенія постановляются по абсолютному большинству голосовъ; подача голосовъ происходитъ открыто, посредствомъ поименной переключки. Составители голландской конституціи не сочли себя вправѣ отказать народнымъ представителямъ въ вознагражденіи за ихъ труды и за потерю времени, какъ мы это видимъ въ англійской, итальянской и другихъ конституціяхъ. Члены первой палаты получаютъ деньги на путевыя издержки и, кромѣ того, по 8 гульденовъ суточныхъ денегъ на все время засѣданій. Члены второй палаты, какъ люди обыкновенно болѣе недостаточные, получаютъ, кромѣ путевыхъ денегъ, ежегодное вознагражденіе въ 2000 гульденовъ. При вступленіи въ должность, члены обѣихъ палатъ приносятъ присягу въ вѣрности конституціи и королю, и общаются всѣми силами способствовать благосостоянію страны. До 1848 года первая палата состояла изъ 58 членовъ (перовъ), назначаемыхъ пожизненно королемъ; члены второй палаты не были избираемы посредствомъ непосредственныхъ выборовъ, а назначались провинціальными штатами. Этотъ порядокъ былъ уничтоженъ временнымъ постановленіемъ 1848 года, и потомъ замѣненъ избирательнымъ закономъ 1850 года. Въ силу этого закона, первая палата сдѣлалась приблизительно тѣмъ же, чѣмъ была прежде вторая палата, а вторая палата происходитъ изъ непосредственныхъ выборовъ. Члены первой палаты назначаются провинціальными штатами изъ самыхъ извѣстныхъ лицъ провинцій; они избираются на 9 лѣтъ, и замѣщаются по третямъ каждые три года. Король назначаетъ президента первой

палаты на все время засѣданій. Въ члены второй палаты можетъ быть избранъ всякій голландскій подданный, достигшій 30-ти лѣтняго возраста и не лишенный права пользованія гражданскими и политическими правами. Члены ея избираются на четыре года, и возобновляются по половинамъ каждые два года; выступающій членъ можетъ быть немедленно вновь избранъ. Члены второй палаты подаютъ голосъ отъ себя и не принимаютъ никакихъ порученій отъ своихъ избирателей. Президентъ второй палаты назначается королемъ изъ числа трехъ кандидатовъ, которыхъ предлагаетъ ему палата. Право избирать членовъ второй палаты принадлежитъ всякому совершеннолѣтнему гражданину, удовлетворяющему извѣстному цензу. Цензъ этотъ измѣняется по различію мѣстностей; но онъ не можетъ быть болѣе 160 и менѣе 20 гульденовъ. Избирательный законъ 1850 года опредѣляетъ, какъ мы уже сказали выше, число членовъ второй палаты въ 68 чловѣкъ; такимъ образомъ, приходится по одному представителю на 45,000 чловѣкъ жителей. 68 представителей эти распределены не по провинціямъ, а по избирательнымъ округамъ, на которые раздѣлена вся страна; каждый избирательный округъ состоитъ изъ 90,000 жителей и посылаетъ въ палату по два представителя.

Право предлагать проэкты законовъ принадлежитъ только двумъ изъ трехъ факторовъ законодательной власти, а именно: королю и второй палатѣ генеральныхъ штатовъ. Король дѣлаетъ предложенія второй палатѣ или письменно, или чрезъ комиссаровъ; вторая палата назначаетъ изъ своей среды комиссію для разсмотрѣнія предложеній, и за тѣмъ послѣ доклада комиссіи, вотируетъ ихъ въ открытомъ засѣданіи (впрочемъ по требованію десятой части присутствующихъ или по благоусмотрѣнію президента, обсужденіе какого-либо вопроса и постановленіе по немъ рѣшенія можетъ происходить при закрытыхъ дверяхъ). Если палата отвергаетъ предложеніе короля, то она сообщаетъ ему, о томъ въ извѣстной фор-

мѣ; если же она принимаетъ предложеніе, она препровождаетъ его въ первую палату. Если та также принимаетъ его, то она извѣщаетъ о томъ короля, и законъ обнародуется отъ его имени. Въ случаѣ же отверженія проекта, онъ еще разъ разсматривается во второй палатѣ, при чемъ стараются найти какіе нибудь пути къ соглашенію. Вторая палата имѣетъ право предлагать отъ себя законы: она сообщаетъ ихъ королю черезъ посредство первой палаты, которая предварительно сама разсматриваетъ ихъ. Финансовыя законы предлагаются прежде всего на разсмотрѣніе второй палаты; они должны быть предъявлены ей немедленно послѣ открытія обыкновенныхъ засѣданій ея, до начала финансоваго года. Конституція 1815 года устанавливаетъ въ Голландіи представленіе бюджета на 10 лѣтъ впередъ; но уже вскорѣ обнаружилось неудобства этого порядка, и въ 1840 году десятилѣтній бюджетъ замѣненъ двухлѣтнимъ; а въ 1848 году, по примѣру большинства европейскихъ державъ, узаконено ежегодное представленіе бюджета. Всѣ расходы, содержащіяся въ бюджетѣ, раздѣляются на обыкновенныя, постоянныя, текущія расходы, и на расходы чрезвычайныя; палата разсматриваетъ сначала первые, и указываетъ на источники для покрытія ихъ; потомъ она поступаетъ точно также и относительно вторыхъ. Бюджетъ каждаго министерства опредѣляется особеннымъ закономъ, и суммы, опредѣленныя для извѣстнаго министерства, ни подъ какимъ видомъ не могутъ быть перенесены на другой предметъ, безъ согласія генеральныхъ штатовъ. Ежегодно генеральнымъ штатамъ представляется подробнѣйшій отчетъ о расходованіи государственныхъ суммъ. Для веденія счетовъ и ликвидаций по расходнымъ суммамъ, въ королевствѣ существуетъ счетная палата. Король назначаетъ членовъ этой палаты по спискамъ, представляемымъ ему генеральными штатами.

V.

Юрисдикція производится на пространствѣ всего королевства отъ имени короля. Судъ можетъ производиться только тѣми судилищами, существованіе которыхъ основывается на конституціи; никто не можетъ быть судимъ вопреки собственному его желанію другимъ судьей, нежели тѣмъ, который опредѣленъ для него закономъ. Для всего королевства долженъ существовать одинъ только гражданскій, уголовный и торговый кодексъ. Никто не можетъ быть арестованъ (кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ онъ пойманъ на мѣстѣ преступленія), иначе какъ по распоряженію судьи, въ силу предписанія, въ которомъ изображены причины арестованія, и которое должно быть представлено арестуемому или во время самаго ареста или немедленно послѣ произведенія его; арестуемый долженъ быть представленъ въ судъ въ возможно-короткій срокъ послѣ произведенія ареста. Если при исключительныхъ обстоятельствахъ мѣстное начальство арестуетъ кого-нибудь, то оно должно извѣстить о томъ судью того участка не далѣе, какъ по прошествіи 24-хъ часовъ, и представить ему арестованнаго не далѣе, какъ по прошествіи 3-хъ дней. Ни въ какомъ случаѣ не допускается наказаніе, состоящее въ конфискаціи имущества. При произнесеніи приговора по гражданскому или уголовному дѣлу, должно быть произведено указаніе на причины приговора, и указано также на статью закона, опредѣляющаго извѣстное наказаніе за извѣстное преступленіе; всѣ приговоры должны быть произносимы въ публичномъ засѣданіи. Для всего королевства существуетъ верховное судилище, члены котораго назначаются королемъ по списку, представленному ему генеральными штатами; король назначаетъ одного изъ членовъ этого судилища президентомъ его; онъ же непосредственно назначаетъ генераль-прокурора его. Верховное судилище производитъ судъ надъ членами генеральныхъ штатовъ, надъ министрами и

вышшими административными чиновниками, надъ комиссарами короля въ провинціяхъ и надъ членами государственнаго совѣта за преступленія, совершенныя этими лицами при исправленіи своихъ должностей; но оно можетъ производить надъ ними судъ не иначе, какъ по обвиненію, произведенному противъ нихъ или королемъ, или генеральными штатами. Верховное судилище наблюдаетъ за соблюденіемъ справедливости на простанствѣ всего королевства; оно смотритъ за тѣмъ, чтобы все суды исполняли законы, какъ того требуетъ справедливость. Оно составляетъ кассационный судъ въ странѣ, и можетъ уничтожать рѣшенія судовъ низшей инстанціи, которыя покажутся ему невѣрными. Оно составляетъ также аппеляціонное судилище для тѣхъ дѣлъ, которыя рѣшаются въ первой инстанціи областными судами. Для одной или для нѣсколькихъ провинцій (смотря по населенности ихъ), существуетъ провинціальный судъ. Король назначаетъ членовъ его по списку, представленному генеральными штатами; изъ членовъ его онъ назначаетъ президента; генераль-прокуроры провинціальныхъ судовъ назначаются также королемъ. Уголовныя дѣла рѣшаются въ уголовныхъ, а гражданскіе процессы въ гражданскихъ палатахъ провинціальныхъ судовъ. Члены верховнаго судилища и провинціальныхъ судовъ, равно какъ и генераль-прокуроры при этихъ судахъ назначаются королемъ на всю жизнь. Для суда надъ преступленіями, совершенными сухопутными и морскими солдатами, существуютъ военные суды, и какъ высшая инстанція, верховное военное судилище. Суды эти состоятъ изъ сухопутныхъ и морскихъ офицеровъ, и равнаго имъ числа юристовъ; но предѣдательство въ нихъ должно непременно принадлежать юристу. Все члены этихъ судовъ, какъ военные, такъ и юристы, назначаются пожизненно королемъ. Эти суды судятъ впрочемъ военныхъ лицъ только за уголовныя преступленія; что же касается до гражданскихъ про-

цессовъ, въ которыхъ участвуютъ военныя лица, то они рѣшаются обыкновенными судами.

VI.

Въ административномъ отношеніи Нидерландское королевство раздѣляется на 12 провинцій. (По конституціи 1815 г. оно состояло изъ 18-ти провинцій; но послѣ отпаденія Бельгіи, присоединенія новыхъ территорий и нѣкоторыхъ измѣненій въ прежнемъ дѣленіи, составилось 12 провинцій: сѣверная Голландія, южная Голландія, Зеландъ, Утрехтъ, Гельдернъ, Оберъ-иссель, Фрисландъ, Дренте, Гронингенъ, сѣверный Брабантъ, Лимбургъ и Луксембургъ). Въ каждой провинціи находится королевскій комиссаръ, который наблюдаетъ за исполненіемъ законовъ, и служитъ въ провинціи представителемъ интересовъ короля и правительства. Собственно для управленія дѣлами провинціи, въ каждой провинціи существуютъ провинціальные штаты, которые играютъ въ административномъ отношеніи весьма важную роль. Они состоятъ изъ членовъ, выбранныхъ отъ 3-хъ сословій: отъ дворянства или рыцарскаго сословія, отъ городовъ и отъ сельскаго населенія. Общее число членовъ провинціальныхъ штатовъ и число членовъ, доставляемыхъ каждымъ сословіемъ, опредѣляется королемъ по докладу, представляемому ему комиссіей, назначаемой въ каждой провинціи. Каждый городъ имѣетъ избирательную коллегію, которая назначаетъ членовъ городского совѣта и депутата въ провинціальные штаты. Каждый городъ самъ опредѣляетъ для своихъ гражданъ цензъ и прочія условія, которымъ долженъ удовлетворять избиратель. Сельское населеніе для производства выборовъ въ провинціальные штаты раздѣляется на особенныя избирательныя округа. Члены провинціальныхъ штатовъ избираются на шесть лѣтъ, и замѣщаются на половину черезъ каждыя три года. Никто не можетъ быть въ одно и

то же время членомъ нѣсколькихъ провинціальныхъ штатовъ Предсѣдательство въ провинціальныхъ штатахъ принадлежитъ королевскому комиссару провинціи. Каждый членъ провинціальныхъ штатовъ, при вступленіи своемъ въ должность, клянется соблюдать конституцію и заботиться объ интересахъ провинціи. Правила для засѣданій провинціальныхъ штатовъ тѣ же, какъ и для засѣданій генеральныхъ штатовъ: т. е. они собираются по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ годъ, по приглашенію короля; засѣданія ихъ публичны. Члены ихъ подають голосъ отъ своего имени, а не по порученію избирателей; подача голосовъ открытая; рѣшенія принимаются по абсолютному большинству голосовъ и имѣють силу только въ тѣхъ случаяхъ, когда при постановленіи ихъ находилась на лицо половина членовъ. Мы уже сказали выше, что значеніе провинціальныхъ штатовъ довольно обширное: они назначаютъ членовъ первой палаты, выбирая ихъ изъ числа болѣе богатыхъ и знатныхъ жителей провинціи. Они должны наблюдать за безпрепятственнымъ исполненіемъ богослуженія различныхъ исповѣданій; на нихъ возложена забота объ общественномъ образованіи, объ общественной благотворительности, объ успѣхахъ земледѣлія, торговли и промышленности въ провинціи; они занимаются разсмотрѣніемъ законовъ, которые можетъ предложить имъ центральное правительство. Они занимаются далѣе администраціей и внутренней экономіей провинціи; но всѣ постановленія, которыя они сдѣлають въ интересахъ страны, должны быть прежде вступленія своего въ силу, утверждены королемъ. Король можетъ уничтожить тѣ постановленія провинціальныхъ штатовъ, которыя несогласны съ общегосударственными интересами. Они наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы въ провинціи исполнялись законы и королевскія повелѣнія; они стараются о прекращеніи несогласій между мѣстными властями, они дѣлають центральной власти представленія о работахъ и сооруженіяхъ, необходимыхъ для из-

вѣстной мѣстности, и могутъ указывать при этомъ на средства для произведенія ихъ; а если послѣдуетъ разрѣшеніе на исполненіе этихъ работъ, то имъ принадлежитъ главное наблюденіе за ними. Вообще они служатъ представителями интересовъ провинціи и ея жителей предъ королемъ и генеральными штатами. Провинціальные штаты избирають изъ своей среды постоянную комиссію, которая исполняетъ ихъ обязанности въ промежуткахъ между засѣданіями ихъ; предсѣдательство въ этой комиссіи принадлежитъ также королевскому комиссару. Наконецъ, конституція даетъ провинціальнымъ штатамъ право излагать свое мнѣніе о составѣ, организаци и предѣлахъ власти общинныхъ совѣтовъ.

Основной законъ 1815 года содержитъ въ себѣ только общія постановленія касательно общиннаго устройства; онъ предоставилъ устройство этого дѣла особому, органическому закону. Этотъ законъ былъ выработанъ и утвержденъ не ранѣе 1851 года. Онъ имѣлъ преимущественно въ виду дать общинному управленію болѣе самостоятельности и независимости относительно провинціальныхъ штатовъ; но составители этого закона очевидно увлеклись желаніемъ подвергнуть мѣстное управленіе болѣе серьезному контролю правительства, и потому голландскій общинный законъ имѣетъ одинъ довольно значительный недостатокъ — онъ страдаетъ излишней централизаціей. Главныя основанія его состоятъ въ слѣдующемъ: Завѣдываніе дѣлами общины принадлежитъ общинному совѣту; но при этомъ совѣтъ долженъ наблюдать за тѣмъ, чтобы его постановленія не противорѣчили бы общимъ интересамъ страны. Общинный совѣтъ состоитъ изъ членовъ, назначаемыхъ по непосредственному избранію жителей. Цензъ для избирателей въ общинный совѣтъ опредѣляется въ половину противъ ценза для избирателей въ генеральные штаты (слѣдовательно отъ 10 до 80 гульденовъ). Король назначаетъ и смѣняетъ предѣдателей общинныхъ совѣтовъ; онъ можетъ назначать на эту должность

лице, не принадлежащее къ общинному совѣту. Постановленія общинныхъ совѣтовъ относительно распределенія общинныхъ имуществъ, равно какъ и общинный бюджетъ, должны быть утверждены провинціальными штатами; послѣдній долженъ также быть представленъ по первому требованію на разсмотрѣніе центральной власти. Никакой общинный налогъ не можетъ быть назначенъ, отмѣненъ или измѣненъ безъ участія общиннаго совѣта, который дѣлаетъ объ этомъ предметѣ представленія королю, черезъ провинціальные штаты; королевская власть рѣшаетъ это дѣло окончательно. Наконецъ общинный совѣтъ ходатайствуетъ объ интересахъ своей общины передъ королемъ, генеральными и провинціальными штатами. Члены общиннаго совѣта избираются на шесть лѣтъ, и замѣщаются по третямъ каждые два года (исключаются изъ общаго правила только мѣстности, которыя имѣютъ менѣе 25 жителей, и которыя по этому самому не могутъ составлять отдѣльной общины). Исполнительная власть въ общинѣ и заботы о текущихъ дѣлахъ ея поручаются нѣсколькимъ членамъ общиннаго совѣта, избраннымъ всѣмъ совѣтомъ, съ согласія предсѣдателя его. Изъ этихъ членовъ одинъ носитъ названіе бургомистра, а другіе адъюнктовъ его (schepens). Кромѣ адъюнктовъ при бургомистрѣ могутъ состоять въ случаѣ надобности особенныя, постоянныя коммисіи, которыя помогаютъ ему въ управленіи особенными отраслями общиннаго хозяйства (такъ напр. въ Голландіи въ большихъ городахъ существуютъ особенныя финансовыя коммисіи). Но подобныя коммисіи могутъ быть назначаемы не иначе, какъ съ согласія бургомистра и только въ помощь ему.

Конституція гарантируетъ обязательства государства относительно кредиторовъ его и устанавливаетъ, что ежегодно, при обсужденіи государственнаго долга, должны быть приняты въ соображеніе интересы государственныхъ кредиторовъ. Государственный долгъ Голландіи довольно значителенъ, и составлялъ въ 1861 году почти 1100 милл. гульденовъ; но за-

мѣчательное всего то, что долгъ этотъ въ послѣднее время не увеличивается въ Голландіи, какъ въ прочихъ европейскихъ государствахъ, а напротивъ значительно уменьшается: съ 1846 года онъ уменьшился почти на 150 милл. гульденовъ. Процентовъ по этому долгу Голландія платитъ ежегодно не болѣе 31 $\frac{1}{2}$ милл. гульденовъ (большую частью по 2 $\frac{1}{2}$ проц.) Особенный законъ опредѣляетъ вѣсь, составъ и цѣнность монетъ. Для монетнаго управленія существуетъ особый совѣтъ, члены котораго назначаются королемъ по представленію второй палаты генеральныхъ штатовъ.

Относительно защиты страны конституція устанавливаетъ, что каждый гражданинъ обязанъ носить оружіе для сохраненія независимости своего отечества и для защиты своей территоріи. Король заботится о томъ, чтобы всегда существовали достаточныя сухопутныя и морскія военныя силы для обороны государства. Организваніе военной силы основано на принципѣ добровольнаго поступленія въ службу и только въ тѣхъ случаяхъ, когда количество волонтеровъ недостаточно для пополненія войска, прибѣгаютъ къ жребію. Король можетъ также принимать на службу и иностранныя войска, но не иначе какъ съ согласія генеральныхъ штатовъ, и по договору, утвержденному этими штатами. Срокъ военной службы (начинающейся не ранѣе какъ по достиженіи 20-лѣтняго возраста) опредѣляется въ пять лѣтъ. Если въ исключительныхъ обстоятельствахъ понадобится продлить срокъ военной службы, то для этого каждый разъ необходимъ особенный законъ, который возобновляется каждый годъ, до тѣхъ поръ пока продолжаются исключительныя обстоятельства. По закону 1840 года въ мирное время только половина вооруженной силы должна находиться подъ оружіемъ. Постоянная сухопутная армія Голландіи состоитъ изъ 9 полковъ пѣхоты, 5 полковъ кавалеріи, пяти полковъ артиллеріи и пр. — всего около 60,000 человекъ. Независимо отъ постоянной сухопутной и морской военной

силы въ странѣ существуетъ еще милиція, раздѣляющаяся на 3 разряда. Она тоже пополняется волонтерами, а въ случаѣ недостатка ихъ также прибѣгаютъ къ жребію; въ киданіи жребія принимаютъ участіе всѣ молодые люди отъ 19 до 23-хъ лѣтняго возраста; вообще же въ составъ милиціи могутъ входить люди отъ 25 до 35 лѣтняго возраста. Срокъ службы милиціи опредѣляется также въ 5 лѣтъ. Въ мирное время милиція собирается только одинъ разъ въ годъ для военныхъ упражненій, на время отъ 4-хъ до 6-ти недѣль. Впрочемъ король имѣетъ право, если того потребуютъ интересы государства, удержать подъ оружіемъ четвертую часть милиціи. Въ случаѣ войны или другихъ исключительныхъ обстоятельствъ, король имѣетъ право призвать къ оружію всю милицію; но въ такомъ случаѣ онъ созываетъ также генеральные штаты, если они не были собранными, сообщаетъ имъ объ этой мѣрѣ и условливается съ ними на счетъ продолжительности оставленія милиціи подъ знаменами. Вообще милиція не можетъ быть употреблена для службы въ колоніяхъ; впрочемъ законъ назначаетъ часть милиціи для исполненія службы на морѣ; въ такомъ случаѣ для нея сокращается срокъ службы. Милиція не можетъ также быть употреблена для службы внѣ предѣловъ государства; если особенныя обстоятельства потребуютъ, чтобы изъ этого правила сдѣлано было исключеніе, то для этого необходимо согласіе генеральныхъ штатовъ. Въ мирное время государство даетъ милиціи одно только вооруженіе. Что же касается до содержанія постоянной арміи, то всѣ расходы на этотъ предметъ должны быть покрываемы изъ государственныхъ суммъ; помѣщеніе и содержаніе солдатъ, перевозка ихъ и всякаго рода поставки для нихъ не могутъ быть возложены ни на отдѣльнаго гражданина, ни на цѣлыя общины.

Кромѣ постоянной арміи и милиціи, въ Голландіи существуетъ еще національная (общинная) гвардія. Конституція опредѣляетъ, что во всѣхъ общинахъ, населеніе которыхъ

превышаетъ 2500 человекъ, для поддержанія общественнаго порядка должна быть устроена общинная гвардія. Въ случаѣ нападенія непріятели, общинная гвардія можетъ быть употреблена вмѣстѣ съ милиціей на защиту страны и на отраженіе непріятели.

Въ Голландіи гидравлическія сооруженія и работы играютъ болѣе важную роль, чѣмъ въ какой либо другой странѣ, и служатъ даже отчасти средствомъ для обороны страны. Поэтому голландская конституція посвящаетъ одиннадцать статей (215 до 225) разнымъ постановленіямъ касательно этихъ сооруженій. Онѣ по смыслу конституціи должны составлять особенный предметъ заботливости короля и вообще центральной власти. Провинціальнымъ штатамъ вмѣнено въ обязанность наблюдать за исполненіемъ общихъ законовъ и постановленій, которые касаются чрезвычайно важной для страны водяной системы (waterstaat).

Вотъ главныя основанія голландской конституціи. Но составители ея, конечно, не могли считать ее безошибочною, а должны были предвидѣть случай, гдѣ потребуются извѣстныя измѣненія. Поэтому послѣднія шесть статей конституціи (229 до 234) заключаютъ въ себѣ постановленія относительно возможной ревизіи конституціи. Въ нихъ говорится, что если опытъ покажетъ необходимость сдѣлать нѣкоторыя прибавленія или измѣненія въ конституціи, то вмѣстѣ съ предложеніемъ объ этомъ измѣненіи, должны быть указаны причины, заставившія предложить его. Это предложеніе отсылается къ провинціальнымъ штатамъ. Тогда во всей странѣ производятся новые выборы въ члены обѣихъ палатъ генеральныхъ штатовъ, и притомъ въ удвоенномъ числѣ противъ обыкновеннаго числа членовъ. Эти новыя палаты разсматриваютъ законъ объ измѣненіи, и принимаютъ его не иначе, какъ большинствомъ двухъ третей голосовъ. Затѣмъ это измѣненіе прибавляется къ конституціи и торжественно обнародывается. Во время регентства не мо-

гуть быть сдѣланы никакія измѣненія въ основномъ статутѣ страны. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что составители голландской конституціи поступили очень благоразумно, предписавши такія, отчасти затруднительныя, постановленія для всякаго измѣненія въ конституціи. Постановленія эти нисколько не мѣшаютъ измѣненіямъ, которыхъ пожелаетъ весь народъ (какъ мы это видимъ отчасти въ 1840-мъ, а въ особенности въ 1848 году), а между тѣмъ они затрудняютъ возможность измѣнить существующую конституцію въ своемъ духѣ, противъ желаній страны.

43506